БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

АДАМ СИЛЬВЕРА

СЫН ВЕЧНОСТИ

КТО ПОЛУЧИТ БЕССМЕРТИЕ,
А КТО ПОГИБНЕТ, ПЫТАЯСЬ ЕГО ОБРЕСТИ?

18+

REBEL

Адам Сильвера

Сын вечности

«Popcorn books»
2020

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Сильвера А.

Сын вечности / А. Сильвера — «Popcorn books», 2020 — (REBEL)

ISBN 978-5-6046877-6-5

Братья Эмиль и Брайтон обожают Чароходов – небожителей, призванных избавить мир от смертоносных призраков. В то время как Чароходы рождаются со сверхъестественными силами, призраки насильственно крадут способности у магических существ, находящихся под угрозой исчезновения. Вскоре после самого мрачного столкновения Чароходов и призраков общество начинает притеснять небожителей, и в этой атмосфере страха призраки становятся все смелее. Брайтон мечтает обрести силу и стать одним из Чароходов, а Эмиль просто хочет, чтобы война наконец закончилась. Когда в случайной драке Эмиль проявляет редкий дар, он обретает славу, о которой всегда мечтал Брайтон, и присоединяется к Чароходам…

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6046877-6-5

© Сильвера А., 2020
© Popcorn books, 2020

Содержание

Один. Братья. Эмиль 6
Два. Герои. Эмиль 10
Три. Мечтатель. Брайтон 13
Четыре. Обычные люди. Брайтон 15
Пять. Стая фениксов. Эмиль 19
Шесть. Небожители Нью-Йорка. Брайтон 24
Семь. Золотой и серый. Эмиль 29
Восемь. Вирусный. Брайтон 33
Девять. Чароходы Марибель 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Адам Сильвера
Сын вечности

Infinity Son
by Adam Silvera

Copyright © 2020 by Adam Silvera
© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2022
Jacket art © 2020 by Kevin Tong
Jacket design by Erin Fitzsimmons

* * *

Тем, кто не верит, что можно стать героем.
Взлетайте!

Аманде и Майклу Диас, за ночи, проведенные над размышлениями о «Гарри Поттере» и моими фанфиками. Посвящаю вам свой первый фэнтези-роман

Страх – это феникс.
Можно тысячу раз смотреть, как он сгорает,
но он все равно будет возвращаться.
Ли Бардуго. Продажное королевство[1]

[1] Перевод с английского А. Харченко.

Один. Братья. Эмиль

Я обязательно хочу прожить свою жизнь правильно, но сказать того же о своем брате не могу.

В полночь нам исполнится восемнадцать, но Брайтон все еще не вырос. В детстве мы вечно воображали, будто мы небожители. Такие же, как те, что сегодня заполонили улицы города. Их жизнь то еще веселье, но Брайтон предпочитает закрывать глаза на мрачные заголовки, которые мы видим каждый день. Я не могу заставить его принять правду, но я могу следить за собой. Я больше не надеваю костюмы Чароходов на Хэллоуин, не смотрю, как небожители и твари, запертые в стальные клетки, дерутся, пользуясь своими врожденными силами. Не смотрю! Хватит. Хватит.

Я не лезу к нему, потому что мы прямо друзья, ну, вы понимаете. Если к нему кто пристанет, я в стороне не останусь, хотя я тот еще дрищ. Но, блин, пару раз я сомневался, что мы действительно близнецы. Может, Брайтона подменили при рождении или там тайно усыновили. Конечно, всю эту чушь я вычитал из комиксов про избранных, которые обожал с детства.

Он как с цепи сорвался по поводу этой вечеринки, пытается взять как можно больше интервью для своего онлайн-сериала «Небожители Нью-Йорка», но всем на него плевать. Народ празднует появление Венценосного мечтателя, бледного созвездия, которое останется в темном небе примерно до конца месяца, а потом заснет на очередные шестьдесят семь лет. Никто точно не знает, когда появились небожители и откуда взялись их силы, но вся история указывает на их связь со звездами. Может, их прародители сошли с неба. Как бы то ни было, созвездия для них очень важны.

Для разнообразия приятно посмотреть, как небожители веселятся. В последнее время они собирались только для протестов против насилия и дискриминации, которых за последние девять месяцев стало раза в два больше. Жизнь гея, конечно, тоже не рай, но после Блэкаута, самого чудовищного нападения на Нью-Йорк на моей памяти, люди обращаются с небожителями как с террористами.

Сегодняшний вечер напоминает мне мой первый прайд. Родные и друзья про меня уже знали и не возражали, но глупо было притворяться, что при мысли о незнакомых людях живот не завязывался узлом: примут ли они меня? Тут не помешала бы способность читать мысли. На прайде я чувствовал облегчение, безопасность, счастье и надежду. Они будто сплелись в прочную веревку, связавшую нас всех. Впервые в жизни мне было легко среди незнакомцев.

Интересно, многие ли небожители чувствуют сегодня то же самое?

Брайтон стоит за штативом, снимает людей, идущих вдоль палаток, а потом направляет камеру на огромную мерцающую венценосную фигуру в небе.

– Завтра все изменится, я чувствую, – говорит Брайтон. – Люди захотят снимать и нас.

– Может быть.

Брайтон молчит так долго, что тишина становится неловкой.

– Ты мне никогда не веришь. Вот увидишь.

– Может, хватит? – спрашиваю я. – У тебя и так дел до фига. Колледж, новый город, переезд на следующей неделе, твой сериал…

– Люди иногда обретают силу в восемнадцатый день рождения, – перебивает меня Брайтон.

– Ага, в кино и книгах.

– Да, основанных на биографиях настоящих небожителей, которые действительно обрели силу в восемнадцать.

– Ты представляешь, какая это редкость?

– Редко – не значит невозможно. – Брайтон всегда побеждает в спорах, так что я затыкаюсь. Не хочу ссориться перед самым днем рождения. Беда в том, что он не распознаёт в моем молчании белый флаг. – Время как никогда подходящее, Эмиль. Венценосный мечтатель повышает силу любого небожителя. Если от Абуэлиты нам досталась хотя бы искорка колдовства, она может разгореться. Я… я просто чувствую, что так и будет.

– Чувствуешь? Твой очередной пророческий пранк?

Брайтон встряхивает головой и смеется.

– Неплохая идея, но нет. Я серьезно. Я не могу объяснить, но у меня словно по всему телу разливается напряжение.

– Спорим на двадцатку на это твое предчувствие?

Легкие деньги, которых хватит на еще один графический роман.

– Заметано.

Мы бьем друг друга кулаком в кулак и свистим. Наш коронный прием.

Брайтон нацелился на тусовку на крыше, и мы встаем в очередь. В особняк из бурого камня втягивается все больше народу. Перед нами стоят две тетки в коротких плащах, какие часто носят небожители. Меня прямо корежит, когда я вспоминаю, что всего два года назад у нас тоже такие были, чисто для развлечения. Мы вообще не знали, насколько сакральны эти плащи, пока Пруденция, наша лучшая подруга, не рассказала нам о традициях. Я тут же отнес наши в ближайший приют. Женщины входят внутрь, мы поднимаемся на крыльцо, но вежливый громила перекрывает нам путь.

– Вход только для небожителей.

– Так это мы, – отзывается Брайтон.

На несколько мгновений в карих глазах охранника вспыхивают галактики. Верный признак небожителя.

– Докажите.

Брайтон бессильно пялится на него, будто, если он как следует постарается, в его глазах тоже зажгутся звезды и кометы.

– Простите за беспокойство. – Я стаскиваю Брайтона с крыльца и смеюсь: – Ты что, думаешь, можно просто наврать, что у тебя есть сила? А глаза – твой поддельный паспорт?

Брайтон не слушает меня. Он смотрит на пожарный выход.

– Давай пролезем тайком и сделаем несколько эксклюзивных кадров.

– Что? Нет. Чувак, это же просто вечеринка. Кому она нужна?

– А вдруг там будет ритуал?

– Это не наше дело. Я туда не полезу.

Он снимает камеру со штатива.

– Ладно.

Я смотрю на телефон.

– До нашего дня рождения пятнадцать минут. Давай просто погуляем.

– Дай мне пять минут. – Брайтон пялится на крышу. – Это же такой офигенный материал.

Я сажусь на тротуар в обнимку с его штативом.

– Я тебе не начальник.

– Пять минут, – повторяет Брайтон и лезет по пожарной лестнице. – И не горбись!

Вообще-то не все мечтают о накачанных мышцах и красивой осанке. Кое-кто прячет свое тощее тело в огромных футболках и сутулится, потихоньку мечтая о дне, когда получится вжаться в самого себя и исчезнуть навсегда.

Инстаграм тянет меня к себе, так что я достаю телефон. Сначала я вижу в ленте своего любимого видеографа дикой природы. Она снимает фениксов – огненных птиц, способных возрождаться, – во всем их великолепии. Последним она выложила видео, где сверкающий буревестник влетает прямо в грозовую тучу, где-то в Бразилии. Я проматываю ленту и вижу

качка, пресс которого я очень хорошо изучил за последние пару месяцев. Хотя я пытаюсь следовать его плану тренировок, я вообще не похож ни на него, ни на десяток других спортсменов, которых я фолловлю. Его мотивационные тексты сегодня меня не вдохновляют, поэтому я откладываю телефон и пытаюсь вернуться в реальный мир.

Вечеринка очень крутая.

Дети бегают по воздуху, взрослые жарят мясо на лучах света, бьющих из ладоней. Я надеюсь, что Николас Криквелл, первый парень, который мне по-настоящему нравился, тоже сегодня празднует. Мы сидели на лабораторных за одной партой, и он так любил химию, что в колледже планировал заняться алхимией и варить зелья. Он был симпатичный, очень приятный в общении и однажды меня офигенно удивил, когда дематериализовал сломанную дверцу шкафчика, чтобы я смог достать калькулятор для контрольной по алгебре. Я хранил его секрет от всех, особенно от Брайтона. И хотя Николас мне доверял, он говорил, что не готов к отношениям, так что мы просто дружили. Интересно, поменял бы он свое мнение, будь у меня кубики на животе?

На улице продают красивые серебряные бинокли. Я бы с удовольствием выкинул на них кучу денег, но ма первой мне напомнит, что учебники сами себя не купят. Особенно если учесть, что она до сих пор оплачивает безумные счета за экспериментальное лечение папы с использованием алхимических ритуалов крови. Ритуалы только ускорили течение рака крови – папа умер в марте. Он обожал звезды и очень ждал Венценосного мечтателя. Может быть, я в полной мере оценю красоту этого созвездия, когда стану старше и смогу позволить себе бинокль, а папа увидит его в следующей жизни, если кто верит в такие штуки.

Я слышу стук каблуков по асфальту, отворачиваюсь от шатра и вижу девушку лет двадцати. Лицо ее блестит от пота, как будто она бежала несколько кварталов. На ней плохо сидящий жакет без рукава, рука красная, будто сгорела на солнце, особенно по контрасту с бледным лицом. Так себе наряд для ночной пробежки. Над ней нависают двое: девчонка, которая бежит по воздуху в десяти футах от земли, и парень, которого несут потоки ветра, по дороге поднимая пыль и мусор.

Я вскакиваю, намереваясь уйти. Поворачиваюсь к пожарной лестнице, на которой где-то на уровне четвертого этажа висит Брайтон.

– Брайтон, спускайся!

Девушка спотыкается о тротуар и падает на землю. Надо перестать быть мудаком и помочь ей, но страх сильнее – я вжимаюсь в стену. Девушка встает, хватается за подборку шатра, которая загорается оранжевым светом. Белое пламя бежит по ее рукам, как будто их обмакнули в бензин и подожгли. У шатра нет шансов, и огонь быстро перекидывается на соседние. Вряд ли это улучшит общественное мнение о небожителях, которые и без того считаются опасными.

Кто-то хватает меня за плечо, и я тут же роняю штатив.

– Ты живой? – спрашивает Брайтон. Спустился он очень быстро.

– Пошли. – Я перевожу дух.

– Погоди-ка. – Брайтон хватается за камеру: драка его очаровала.

– Ты серьезно? – Я дергаю его за руку, но он отмахивается.

– Я должен это заснять.

– Да иди ты!

Для второго лучшего ученика в потоке Брайтон бывает невероятно глупым. Будь на его месте кто-то еще, я бы сразу свалил. Я не гожусь в герои, хотя мне нравилось себя таким воображать. Я слишком хочу жить, чтобы этой самой жизнью рисковать. Но Брайтон не может обойтись без кадров для своего сериала. Большинство небожителей оказались умнее и слиняли, чтобы на это не смотреть. Кое-кто исчез так быстро, что я глазом моргнуть не успел.

Висевшие в воздухе вылетают из тени на освещенное луной пространство, и эмблема Чароходов на магоустойчивых жилетах сверкает, как созвездие, давшее им имя.

– Марибель и Атлас! – орет Брайтон, вскидывая свободный кулак.

Что такого могла натворить эта девчонка, раз ее преследуют Чароходы? Ее руку вновь охватывает белое пламя, и я вижу ее глаза. Звезды в них не мерцают. Глаза черны, если не считать кольца оранжевого огня вокруг зрачка. Затмение. Знак призрака. Теперь я понимаю, почему за ней гонятся Чароходы. Я не всегда согласен с их жесткими силовыми методами, но Чароходы единственные, кому хватает смелости признать, что призраков необходимо остановить, пока они не уничтожили всех тварей и не разрушили наш мир. Я надеюсь, что их всех посадят. Красть кровь у тварей, чтобы обрести силы только потому, что ты не родился небожителем… отвратительное преступление. Регулярные вспышки белого огня сами по себе достаточно страшны, и нам не следует быть здесь, если призрак сгорит в пламени феникса.

Я пытаюсь утащить Брайтона, но меня пугает блеск в его глазах.

Мы слишком хорошо знаем, как опасно потреблять кровь тварей.

Призраки жертвуют жизнью ради силы, и очень надеюсь, что мой брат никогда не ошибется, приняв эту трагедию за чудо.

Два. Герои. Эмиль

Призрак запускает струю белого огня, которая превращается в подобие крыльев и вскрикивает, словно феникс.

– Бро, она же призрак, – говорит Брайтон.

– Наверное, получила силу от венценосного феникса или…

Я затыкаюсь, когда Марибель Люцеро изящно уворачивается от огня и бросается прямо на призрака. Марибель совсем юна – думаю, наша ровесница (а вот Брайтон наверняка знает дату рождения и любимый цвет каждого Чарохода). У нее светло-коричневая кожа и темные волосы, заплетенные в косы. Пока она молотит призрака, косы дергаются как веревки. Атлас Хаас парит над шатрами и изо всех сил пытается сдержать пламя струями воздуха, бьющими из ладоней. Его светлые волосы взъерошил ветер. У него нет шанса против огня. Пламя ползет к жилым домам с одной стороны и захудалому бару с другой; жители и посетители поспешно выбегают на улицу.

Сердце у меня грохочет. Вали отсюда, вали отсюда, вали отсюда.

– Брайтон, уходим!

– Тебе надо, ты и иди.

Я уже готов выхватить у него камеру и швырнуть ее как мяч, как вдруг бар взрывается с оглушительным грохотом. Взрыв сбивает Атласа, он падает прямо на припаркованный мотоцикл. Мы прячемся под навесом ближайшей забегаловки: с неба падают кирпичи. Волны жара напоминают мне, как мы пекли флан в крохотной кухоньке покойной Абуэлиты. Вот только теперь жарче в тысячу раз.

Марибель бросается Атласу на помощь, и призрак снова швыряет белый огонь.

– Марибель, осторожнее! – кричит Брайтон.

Она поворачивается, но огонь с пугающей силой впечатывает ее в дверцу машины – как будто Марибель ударил человек, обладающий мощностью целой электростанции.

– Нет, – выдыхает Брайтон.

Бóльшая часть жителей уже сбежала, как будто они все отличники с невероятными навыками выживания. Коренастая женщина со звездными глазами открывает пожарный гидрант и направляет струю воды в рычащее пламя, но одна она явно не справится. Толпа радостно орет при виде схватки. В нескольких футах от нас бледный русоволосый парень в толстовке с капюшоном снимает происходящее на телефон. С чехла скалится желтый волк. Парень совсем не боится. Наверное, не первый раз видит драку. Но при этом глаза у него не такие восторженные, как у Брайтона.

Атлас с трудом поднимается на ноги. Призрак сгибается вдвое и тяжело дышит, собирая новый заряд огня. Крик на этот раз выходит слабее. Она протягивает руку для атаки, но отдергивает ее от самоцветной гранаты размером с мой кулак. Цитрин разлетается на крупные осколки, и ток жалит призрака. Она корчится и стонет от боли.

Меня сейчас вырвет. Может быть, я даже обоссусь. Смотреть на такое в интернете – это одно. Но когда видишь все собственными глазами… Марибель, взмокшая от пота, хромает к Атласу. Руку она прижимает к жилету, который принял бóльшую часть удара.

– Вот это дело! – вопит Брайтон, как будто он получил отлично на экзамене или выиграл в какую-то игру. Он кидается к Марибель и Атласу.

У меня кружится голова, и я замираю на несколько секунд, которые тянутся минутами, а потом спешу за Брайтоном. Я пытаюсь не слушать крики призрака, но не могу перестать думать, почему она стала такой. Я прогоняю эти мысли. Орут сирены: на углу скапливаются скорые, пожарные машины и блестящие золотые танки инспекторов. Я бегу к Брайтону, повер-

нувшись спиной к мертвому бару. Он все еще пылает рыжим и белым огнем, отбрасывая жуткие длинные тени.

Брайтон стоит на коленях рядом с Марибель и Атласом, которые пытаются отдышаться.

– Очень круто, – говорит он, продолжая снимать. – Я ваш фанат.

Марибель на него не смотрит, но напрягается, когда инспекторы выходят из танков.

– Нам пора, – тянет она.

– Да уж, им не понравится, что ты кинула гранату, – соглашается Атлас.

– Да я могла бы снежками кидаться, эти уроды все равно бы сказали, что я превратила улицу в поле боя, – огрызается Марибель.

Телефон Брайтона уже наготове.

– Можно с вами сфоткаться?

– Брайт, ну отстань от них уже, – говорю я.

– Ага, сейчас.

Четыре инспектора орут, чтобы мы замерли на месте, и приближаются, подняв жезлы. Я не шевелюсь. Небожители довольно часто идут в силовые структуры, но большинство инспекторов все же не обладают никакой силой. Так что они учатся атаковать при первом признаке опасности. Слишком много небожителей безвременно погибли из-за вспыльчивых инспекторов.

– Не двигайся, – говорю я Брайтону.

Я разглядываю инспекторов, жалея, что у меня нет такого бронзового шлема и магоустойчивого жилета цвета морской волны. Ноги у меня дрожат, я слишком часто дышу и очень боюсь, что инспекторы примут мою дрожь за проявление какой-то способности.

Посреди улицы инспектор направляет жезл на призрака, а второй надевает на нее наручники и перчатки, временно блокирующие силу.

Атлас стоит спиной к инспекторам и выразительно смотрит на Марибель. Не нравится мне это. Она делает глубокий вдох и кивает, в ее глазах вспыхивают кометы, а в глазах Атласа загораются мириады звезд, загнанных в черную дыру. Атлас откатывается в сторону, а Марибель взлетает. Порыв ветра отшвыривает нас с Брайтоном в сторону машины, заклинание взрывается – громкое, как петарда. Я убеждаюсь, что Брайтон в порядке, и только потом решаюсь посмотреть, что происходит. Инспекторы сбиты с ног, жезлы валяются на земле. Ветер поднимает Атласа, который подхватывает Марибель. Оба уносятся за дом, где до них уже не достают заклинания.

– Эмиль, пошли. Вставай уже! Ну! – Брайтон пригибается и бежит в противоположную сторону от инспекторов. Теперь, когда Чароходы сбежали, он наконец решает убраться подальше. Ну разумеется.

Я вообще не из тех, кто бегает по коридорам, разговаривает на уроках или переходит улицу на красный свет. Я ненавижу влипать в неприятности. Но сейчас я словно одержим самым храбрым на свете духом. Я убегаю от инспекторов – зигзагами, на случай, если они захотят еще раз выстрелить. Если бы я не выделывался перед Брайтоном, то лег бы лицом в асфальт, раскинув руки, и молился бы, чтобы инспекторы не сочли меня опасным. Оказаться принятым за Чарохода после Блэкаута… такие риски мы себе позволить не можем.

Через пару кварталов мы запрыгиваем в автобус до дома. К счастью, сзади пусто, и мы разваливаемся на сиденьях. Мы истекаем по́том. Мне срочно нужен галлон воды, чтобы выпить и вылить на себя.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, потирая локоть, которым ударился об асфальт, и пытаясь отдышаться, несмотря на острую боль в груди.

Брайтон исцарапал руки при падении, но ему плевать.

– Вот это отпад! Мы встретили самых крутых ребят на свете! – Он весь лучится радостью. Мне бы каплю этого счастья, чтобы хоть ненадолго заглушить панику. – Атлас даже использо-

вал против нас свой ветер. Надеюсь, мне удалось это заснять. – Он смотрит на меня. – А где мой штатив?

– Не знаю, бросил где-то. То ли когда призрак сожгла всю улицу, то ли когда инспекторы в нас стреляли. Могу вернуться за ним.

– Не утруждайся.

– Я вообще-то не всерьез предлагал!

Брайтон пересматривает свое видео.

– Я столько денег за рекламу получу, что куплю новый.

– Ты вообще нормальный? Какое видео? В нас стреляли, а Марибель чуть кого-то не убила.

– И ее бы никто за это не винил! Призрак черт знает что творила!

Я не знаю ее имени и ничего не знаю о ее жизни, так что не могу утверждать, что в ней есть хоть что-то хорошее, но смотреть, как она лежит на земле под прицелом жезлов, мне не понравилось. Может, инспекторы запрут ее в Границах вместе с остальными обладателями сил. Или вообще сделают так, что она исчезнет навсегда.

Я не готов к такому повороту разговора. Речь ведь не о ерунде типа того, что Брайтон наденет мою рубашку, потому что ему нужен свежий вид для ролика, или о том, что я взял его велик без предупреждения.

Жужжит телефон. Это Пруденция поздравляет нас с днем рождения. Впервые в жизни мы пропустили полночь. Восемнадцать начались резко. Папа был бы разочарован. Меня бесит, что Брайтон не отвечает кулаком на кулак и ведет себя так, будто ничего страшного не произошло.

– Ты чего злишься? – спрашивает он, поднимая глаза от камеры. – Потому что мне плевать на то, убили бы того призрака или нет? Чароходы спасают больше жизней, чем отнимают, но, если уж им надо убивать, я верю, что они поступают правильно.

Я не хочу об этом говорить. Я вообще скандальный, а Брайтон жутко меня бесит. Но и промолчать я не могу.

– Не нам решать, кому умирать, а кому жить.

– Правила игры изменились после Блэкаута, – говорит Брайтон. – Я не злюсь на хороших людей, которые убивают плохих.

Мне очень хочется выскочить из автобуса и пойти домой в одиночку.

– Это не игра!

– Ты понимаешь, о чем я. В войнах люди умирают, это неизбежно. – Брайтон наклоняется и трогает меня за колено. – Будь у нас сила, мы бы помогли. Короли света, помнишь?

Он называет нас так с десяти лет, когда мы узнали, что наша фамилия Рэй переводится как «король». Мы постоянно воображали, что это имя окажется пророческим, что нас ждет великая судьба. Героические близнецы невероятной силы, которые общаются друг с другом на расстоянии безо всяких телефонов. В нас нет ничего особенного, кроме нашей фамилии. К тому же с каждым днем мы все сильнее отдаляемся друг от друга.

– Слава звездам, что у нас нет силы, – говорю я. – Не хочу крови на руках.

– Убивать, чтобы спасти мир, можно, бро.

– Герои не считают трупы.

Он вдруг замолкает. Мы смотрим друг на друга как на шахматную партию, закончившуюся патом. Оба короля живы, но никто не победил.

Три. Мечтатель. Брайтон

Мир скоро увидит, что я по-настоящему крут.

На этом видео я разбогатею. Это не первый раз, когда я видел чудеса, которые вытворяют небожители. Самый дикий случай был, когда один мужик по имени Сьют упал на рельсы в метро, прямо под поезд. Штамп, конечно, но именно так все и случилось. Я не успел ему помочь – маленький мальчик схватил его за запястье и вытащил на платформу, как будто он был не тяжелее куклы, которую мальчик держал в другой руке. Беда в том, что это все происходит слишком быстро, так что не снимешь. Вот почему та драка, которую я только что загрузил в интернет, наделает шума.

Я пересматриваю видео снова и снова. Когда инспекторы в миллионный раз вызывают заклинание, Эмиль вскакивает на кровати и кричит, чтобы я его наконец выключил. В ответ я надеваю наушники и увеличиваю громкость. Надо, конечно, поспать и набраться сил перед завтрашней встречей с фанатами, но я не могу перестать обновлять видео, следить за просмотрами и читать комменты. Прошло примерно полчаса, цифры неплохие, правда, люди ведут себя не так, как я рассчитывал. Но мои тридцать тысяч подписчиков сделают свое дело, и к утру видео уже разойдется. Оно неотразимо.

Я закрываю ноут и оставляю его на столе, где валяется «Никон», обертки от конфет, комиксы и список видосов, которые я планирую снять в Лос-Анджелесе. Забравшись под одеяло, я пытаюсь расслабиться. Плечо болит. Скорее бы показать синяк фанатам. Это боевая рана, которую я ношу с гордостью. Немногие могут похвастаться столь близким знакомством с ветром Атласа.

Венценосный мечтатель должен выйти в наш день рождения и благословить нас. Если проявятся наши скрытые силы, Эмиль быстренько передумает насчет жизни Королей света, защитников людей. Мы выросли на книжках и фильмах, в которых обычные подростки обнаруживали, что они вовсе не обычные, что они избранные, волшебники или типа того. В реальной жизни такое редко случается, но кто знает.

Маловероятно, но не невозможно. Все мечтатели на это полагаются.

∞

Дверь спальни с такой силой бьется о стену, что мой детский рисунок с Чароходами падает. В дверях стоит ма, тяжело дышит и держится за грудь – наверное, снова сердце. Я вываливаюсь из кровати и бегу к ней.

Мы увидим, как умирает ма, так скоро после папы.

– Звони девять-один-один! – ору я Эмилю, который замер под одеялом.

Ма качает головой. На глазах у нее слезы.

– На вечеринке произошло нападение, а я узнаю́ об этом из новостей? Я боялась, что приду в пустую комнату…

Эмиль выпутывается из-под одеяла и обнимает ее.

– Мы в порядке, ма, прости. Мы поздно вернулись и еще не успели отойти от всего.

Минуточку…

– Новости? Мое видео было в новостях?

– Это ты снял?! – орет ма.

Я хватаю телефон, пока Эмиль рассказывает, как уводил меня от всего интересного. Судя по количеству уведомлений, я молодец, что вообще на ногах стою. Открываю ютьюб. Девяносто тысяч просмотров. В три с лишним раза больше прошлого рекорда, но гораздо меньше, чем я рассчитывал. Еще не все потеряно. У меня появилось несколько тысяч новых подписчиков, в комментах все пишут благодарности. Кто-то пишет, что я тоже в своем роде герой, и я улыбаюсь.

Интересно, какие сайты и каналы взяли мое видео. Я захожу в твиттер – мой главный источник новостей. «БаззФид» запостил статью под названием «Влогер снимает безумную битву с Чароходами».

– «БаззФид» перепостил мое видео!

Я миллион раз искал там инфу, а теперь сам туда попал. Что вообще происходит?

Я открываю статью. Там куча гифок из ролика, но он снят не с того ракурса, что мой. Я смотрю в начало текста. Там ссылка на другого ютьюбера, MinaTriesThis.

– Быть такого не может.

У нее больше миллиона просмотров.

Я включаю видео. Кажется, Мина снимала, как пробует мороженое из лунного света, когда загорелся первый шатер. Мимо нее пробежала куча людей, и ей оставалось только выйти вперед и снимать. Украсть мою минуту славы.

Я не слушаю ма с Эмилем и проверяю новости. Черт с ним, с «БаззФидом», который выбрал ролик Мины, а не мой, но на меня тоже явно дали где-то ссылки, иначе не пришло бы столько людей. О схватке писали «Нью-Йорк Таймс», «Си-эн-эн», «Тайм», «СкоупСорс» и «Хаффингтон пост», но там везде ссылка на Мину. Ее видео попало в тренды ютьюба.

– Это несправедливо, – говорю я.

– Что такое? – спрашивает Эмиль.

– Я неудачник. Завирусилось другое видео.

Я слишком много пахал, чтобы занять второе место. В школе я учился на одни пятерки только потому, что мечтал о моменте: я, лучший выпускник, выхожу на сцену под ревущие аплодисменты и произношу речь о том, каково быть обычным парнем из Бронкса, от которого никто не ожидает таких успехов. Когда завуч пригласила меня в свой кабинет и поздравила с тем, что я стал вторым в выпуске, я не свихнулся только потому, что не мог уступить эту привилегию, пусть даже и не такую крутую, любому, кто учился хуже меня. Хватило того, что мне пришлось выслушивать чужую речь, хотя я отлично понимал, что я умнее оратора.

Ма садится на кровать Эмиля.

– У меня из-за тебя сердце болит, а ты расстраиваешься, потому что твой ролик не такой популярный?

– Ладно, прости, хорошо? – Я не могу отвести взгляда от растущей цифры просмотров у Мины.

– Не смей говорить со мной в таком тоне, Брайтон.

– Ма, ты не представляешь, как бы я разбогател, будь это мое видео.

– Никакие деньги не стоят того, что я могла потерять все, что у меня осталось, только потому, что ты воображаешь себя взрослым.

Она не смотрит на меня так часто, как раньше. Иногда я думаю, что ей неприятно, потому что я очень похож на отца и глаза у меня такие же зеленые. Или что ей не хочется думать, что в субботу я уеду учиться на режиссера и начну новую жизнь, а она останется с Эмилем, который будет ходить в третьесортный местный колледж. Ни за какие деньги я не остался бы в доме, где семь месяцев наблюдал за тем, как умирает отец. Где у меня появилась надежда, когда алхимики выбрали его для клинических испытаний крови гидры. Идея была в том, что в крови содержится их сущность и что кровь передаст пациенту свойства, которые позволяют этим змеюкам лечиться и выращивать новые головы.

Когда отец захлебнулся собственной кровью, в доме был только я.

Я уже взрослый.

Четыре. Обычные люди. Брайтон

Я решаю сидеть в своей комнате до тех пор, пока не пойму, что не сорвусь снова на кого-нибудь. Дверь заперта, и я не реагирую, когда ма зовет меня завтракать. Я умираю от голода, но я больше не буду есть подрумяненные тортильи с жареной фасолью и авокадо без папы. Это несложное блюдо, и папа научился готовить его, чтобы не забывать о маминых пуэрториканских корнях. У него тортильи получались очень хрустящие. Я пока не готов притворяться, что мамины не хуже. И вообще не готов завтракать всей семьей в гостиной и разговаривать о нашем первом дне рождения без него. Это слишком.

Здесь в любом случае лучше. Папа как-то сказал, что наша комната как небесная обитель, только с кроватями. Несколько лет назад, когда Чароходов еще уважали, они запатентовали свое изображение, чтобы на нем зарабатывать. Мне повезло заполучить кое-какой мерч до того, как его перестали выпускать. У окна висит постер с Марибель и ее родителями – Авророй и Лестором Люцеро. Еще у меня эксклюзивные фигурки «Фанко Поп» с первыми Чароходами: Батиста де Леон, Сьера Кордова, семья Люцеро, Финола Симон-Чамберс и Конрад Чамберс. Игральные карты, которые я носил в школу до самого выпускного. Брелки со знаком Чароходов – созвездием, похожим на тварь, делающую шаг. Самые яркие звезды горят на запястьях, ступнях и на сердце. У новой волны Чароходов официального мерча нет, но у меня над столом висят принты в рамках. Один даже с автографом Уэсли Янга – награда за участие в кампании по сбору средств на одно из их тайных убежищ.

Это я сейчас должен быть знаменитым. Не какая-то девчонка двадцати одного года, которая наверняка планирует написать мемуары о том, как она год после школы каталась по стране и дегустировала местную кухню.

Через пару часов я вылезаю из постели и готовлюсь к встрече. Я потратил кучу денег на кастомные светящиеся в темноте гелевые браслеты, блокноты с моим логотипом – чтобы люди не боялись интересоваться небожителями – и несколько футболок. Местный ютьюбер Лорэ подчистую распродают всякую хрень на митапах. Я сказал Эмилю, что буду рад отбить хотя бы шестьдесят процентов от потраченного, но вообще я рассчитываю на любую прибыль, а после постараюсь как следует себя разрекламировать.

Я выхожу из комнаты, чтобы Эмиль мог одеться. Он валяется на диване и читает графический роман, а ма включила новости, но явно их не смотрит.

– Нам выходить скоро, – говорю я.

– Закончил страдать? – спрашивает Эмиль.

Я скребу подбородок, а потом понимаю, что таким же жестом папа скреб себе бороду, когда был расстроен. Отдергиваю руку и смотрю в телевизор.

– …мы ожидаем заявления сенатора Айрона о смерти неидентифицированного призрака сегодня ночью, – говорит ведущая первого канала.

– Она погибла? – Эмиль отрывается от книги.

Появляется предупреждение о том, что ролик не рекомендуется к просмотру детям, а потом включается видео. Это не женщина, которую мы видели на вечеринке. На краю крыши стоит мужчина. Он тоже владеет белым огнем феникса, только, в отличие от женщины, у него горят обе руки. Пламя похоже на огромные крылья, которым нипочем ураганный ветер. Мужчина вроде бы колеблется, но все равно прыгает и летит, поднимаясь все выше и выше, пока одна рука не отрывается. Он орет от боли и паники и камнем падает вниз, как подстреленная птица.

Удар об землю не показывают – в следующем кадре снова появляется телеведущая в студии.

– Прибывшие медики обнаружили, что призрак в тяжелом состоянии. Поскольку рука начала отрастать, они надеялись на полное восстановление, но через несколько минут призрак скончался.

– Он отрастил руку? – Эмиль пялится в потолок, как будто там написан ответ. – Из всех фениксов к регенерации способны только поющие грачи, но восстановление конечности занимает несколько часов. И они горят фиолетовым огнем, а не белым.

– Наверное, есть и другие такие фениксы, – говорю я. В фениксах я разбираюсь не так хорошо, как Эмиль, но даже он свою курсовую сдал не на «отлично». – И алхимия крови не впервые кого-то подвела.

Мы замолкаем.

Алхимики, работавшие с папой, не обещали полного выздоровления, но очень громко и уверенно рассказывали о том, какое великолепное зелье создали, какими невероятными регенерирующими свойствами обладает кровь гидры и как успешно они вводили это зелье в кровеносную систему больных. Сколько бы еще времени папа провел с нами, позволь мы ему тихо уйти без их помощи?

Ведущая сменяется сенатором Айроном, ма тихо стонет и увеличивает громкость.

Эдвард Айрон, старший сенатор от штата Нью-Йорк, темноволос, бледен, явно знаком с ботоксом, носит очки с толстыми стеклами и костюм, который стоит дороже нашей аренды за дом.

– Инциденты с призраками, произошедшие ночью с интервалом в несколько часов, являются тревожными сигналами кризиса, с которым наша страна пока не смогла справиться. Если конгрессвумен Санстар станет президентом, она даст своим больше возможностей и свобод, в то время как нам нужны более строгие ограничения, чтобы предотвратить такие трагедии, о которых мы узнали сегодня утром. Мои оппоненты выступают против, утверждая, что это конфликт с призраками, а не с небожителями, но Блэкаут ясно доказал мою правоту. Чароходы опасны… – Сенатор Айрон прикрывает глаза, делает паузу и кивает. – Мы постоянно работаем над поиском и изоляцией Чароходов.

Экран снова переключается на ведущую.

– Очевидно, что сенатору Айрону до сих пор тяжело обсуждать Блэкаут из-за смерти сына. В прошлом январе Эдуардо вместе с одноклассниками находился в обсерватории Найтлок, когда Чароходы уничтожили это здание, отняв шестьсот тринадцать жизней.

Я придерживаюсь теории, о которой говорю на ютьюбе: кто-то обвинил Чароходов в Блэкауте, чтобы продвинуть свою повестку.

Но откуда мне знать, в конце концов? Спросите, что думает лучший выпускник.

Что до Эдуардо Айрона, рыдать я по нему не стану. Когда он был жив, он только и делал, что травил и материл небожителей и настраивал общество против них. Есть люди, более достойные слез.

Мы собираемся и выходим. Пруденция уже ждет у входа в парк. И в этом дне есть что-то хорошее.

Пруденция Мендес блистательна. На ней футболка, завязанная узлом на животе, темно-синие шорты и ботинки, в которых она похожа на археолога. На руке часы покойной матери. Они не ходят, но Пру никогда их не снимает. Черные волосы собраны в высокий длинный хвост. Когда я пытаюсь обнять ее, она щурит карие глаза и толкает меня.

– Я не собиралась приходить, но тогда не смогла бы тебя треснуть, – говорит Пруденция. – Вы могли погибнуть, придурки!

– Мы в порядке, – отвечаю я.

– Мы не огнестойкие, – возражает Эмиль.

Я мрачно смотрю на предателя.

– Пруденция, даже тебе придется признать, что я проявил невероятную храбрость и заснял схватку, как настоящий журналист.

– Никакой ты не журналист. Ты фанатик, которому плевать на собственную жизнь и на жизнь брата, – говорит она жестко. – Брайтон, твоя жизнь не стоит пятнадцати минут славы.

– Да какой там славы, у меня меньше ста тысяч просмотров.

– Это твой рекорд, – замечает Эмиль. – Еще недавно ты гордился первой тысячей.

– Ожидания растут.

– Вчера был сущий кошмар, – говорит Пруденция. – И такое со мной не впервые. Я уже потеряла родителей из-за жезла. Если вы мне не пообещаете, что в следующий раз не свалите, тогда вы мне больше не друзья.

Я не собираюсь брать на себя ответственность за ее разбитое сердце.

– Обещаю, – говорю я.

– И я, – вторит Эмиль.

Пруденция вздыхает и обнимает Эмиля, а потом меня. Я немного расслабляюсь в ее руках – кажется, меня она обнимает дольше, чем Эмиля. Опять это наше «то-ли-да-то-ли-нет», продолжающееся с тех пор, как мы познакомились в старших классах.

У нас как-то не складывалось. Я встречался со своей первой и единственной девушкой Ниной девятый и десятый классы, а потом бросил ее, признавшись себе наконец, что Нину считаю просто подругой, а вот Пруденцию – наоборот. Не успел я признаться в своих чувствах, как Пруденция начала кокетничать с нашим одноклассником Домиником. Ситуацию не улучшало и то, что из всех людей на свете она выбрала небожителя, умеющего путешествовать сквозь тени. Я потом несколько месяцев называл его снобом, потому что он отказывался сниматься в моем сериале. Опять же, я никому этого не говорил, даже Эмилю, но я подстригся под машинку именно потому, что хотел хоть немного походить на Доминика. Их разрыв был неизбежен, потому что тетя Пруденции просто максимально нетолерантна, а родители Доминика хотят, чтобы он встречался только с другими небожителями, чтобы сохранить чистоту крови. Как будто он собирался заводить детей прямо сейчас. Им надоело прятаться, и они расстались.

До моего отъезда остается несколько дней. Может, мы с Пруденцией успеем определиться. Понять, как это устроить, если будем в разных концах страны.

Мы углубляемся в парк Виспер-Филдс, названный в честь Гуннара Виспера, небожителя (он обнаружил свои таланты довольно поздно), который принял на себя командование в Битве с немертвыми у Фонтанного камня и сражался против орд некромантов. В учебниках, конечно, приписывают победу обычным солдатам, которые отражали нападение этих маньяков и поднятых ими призраков с помощью жезлов, самоцветных гранат и перчаток – изготовленных небожителями, разумеется, хотя люди быстро об этом забыли. Лично я не стесняюсь рассказывать всем о заслугах Гуннара и горжусь тем, что родился в Бронксе, как и герой, который всех спас. Около озера – там, где Гуннар впервые (это в двадцать три года!) почувствовал в себе силу ясновидения, – стоит его статуя. Рядом с ней я всегда чувствую некое напряжение в воздухе, как будто я тоже вот-вот окажусь небожителем, в честь которого однажды назовут парк. Или что мы с Пруденцией сможем шагнуть в новое крутое будущее вместе. Но сегодня, подходя к бронзовой статуе Гуннара, я ощущаю ужас, которого даже вообразить не мог. Я ожидал, что в тени вскинутой руки Гуннара будет стоять несколько десятков человек, но вижу только… раз, два, три, четыре, пять, шесть… семь. Семерых.

– Никто не пришел.

– Вон, тебе даже машут, – говорит Эмиль.

– Семеро.

– Еще рано.

– И пробки, – добавляет Пруденция.

– Еще что придумаете? – Я смотрю в ясное небо. – Может, погода виновата? – Изображаю улыбку и машу фанатам в ответ. – Ладно, придется через это пройти.

Я болтаю с шестью пришедшими – седьмой, оказывается, тут просто за компанию – об их любимых видео. Эмиль снимает, а я не знаю, куда себя деть. Я-то мечтал о ролике, где вокруг меня собирается толпа, но вот облом. Кто-нибудь такой же успешный, как Лорэ, никогда не стал бы запоминать имена фанатов или общаться с ними где-то, кроме комментов. Они и так нарасхват. Я засовываю эти мерзкие чувства куда подальше и делаю радостное лицо. Еще пара людей забегает поздороваться, а потом время встречи заканчивается. Мы с Эмилем и Пруденцией идем к озеру и ложимся на берегу, подсунув под голову нераспроданные футболки.

– Я понимаю, что ты ожидал другого, – говорит Пруденция, опуская ноги в воду, – но они были рады тебя видеть.

– Я по всем фронтам неудачник. Снял крутое видео, а оно не завирусилось. Блин, я же был в гуще событий! А эта встреча… трындец. Ладно.

Я затыкаюсь, потому что не хочу жаловаться Пруденции. Потом поною Эмилю. Собираю свои шмотки и двигаюсь прямо к выходу. Небожители, никого не боясь, играют в солнечный диск. На самом деле это просто фрисби, но напитанный магической энергией. Я не в настроении смотреть, как другие демонстрируют свои силы, так что просто прохожу мимо.

Проходит несколько часов, и я с каждой минутой нервничаю все сильнее. Я жду чего-то необычного. Пока принимаю душ. Пока переодеваюсь. Пока мы с ма ужинаем в любимом веганском кафе Эмиля. Когда мы возвращаемся домой, я выхожу на крышу и сижу там в одиночестве, глядя на бледный контур Венценосного мечтателя. Я почти не замечаю, как Эмиль лезет по пожарной лестнице.

– Ты как? – Он кидает мне худи.

Я совсем замерз, но одеваться нет сил.

– Ничего не будет?

– Нет, да и фиг с ним. Ты уже герой. Ты снимаешь крутые сюжеты о небожителях Нью-Йорка.

– Скорее помощник героя. Ты совсем не паришься из-за того, что мы не станем защитниками человечества?

– Необязательно быть избранным, чтобы творить добро.

Мы сидим молча, а я молюсь Венценосному мечтателю, чтобы он изменил мою жизнь. Наступает полночь, и я поворачиваюсь к звездам спиной. Мы спускаемся по пожарной лестнице, залезаем в окно, ложимся и сразу засыпаем. Так же обыденно, как последние восемнадцать лет.

Пять. Стая фениксов. Эмиль

Неработающий кондиционер в поезде в сентябрьскую жару – полный отстой, но по крайней мере поезд довезет меня в Музей естественной истории тварей достаточно рано, чтобы я успел там погулять до начала смены. Когда я добираюсь до прохладного вестибюля, по спине уже течет пот. Впрочем, нестрашно – я одет в мешковатое рабочее поло. Специально взял на размер больше. Я кладу рюкзак на ленту и прицепляю бейджик с именем. Секунду любуюсь огромным угольно-черным окаменевшим скелетом доисторического дракона, висящим под потолком. Жалко, конечно, что я никогда не увижу дракона. Но, наверное, хорошо, что они все вымерли – можно не бояться, что в лапы алхимиков попадет их кровь. Если учесть масштабы охоты на тварей ради их силы, не удивлюсь, если скоро все они станут достоянием истории.

Пробегаю через Изменчивый зал, который больше не соответствует своему названию из-за урезанного бюджета. Там до сих пор выставлена июльская экспозиция искусства оборотней. Обхожу темный и холодный Зал василисков – нет, спасибо. Мне одного раза хватило. Недолюбливаю змей с экскурсии в зоопарк в шестом классе, когда слепой василиск бился о барьер, желая разорвать меня своими клыками.

Дохожу до разветвленного прохода, где одна лестница ведет вниз, а другая – наверх. Во время обучения мне рассказали, что так сделано специально – как напоминание о давней войне гидр и фениксов, которые поклялись уничтожить друг друга. Павильон гидр, расположенный внизу, начинается довольно невинно – с изображений гидр, которых рыбаки учат ловить рыбу и отгонять крупных морских животных. Но чем дальше заходишь, тем страшнее там становится. В самом последнем зале показывают видео битвы за территорию между косяком гидр и стаей фениксов. Впервые увидев, как огромная семиглавая гидра зубами выхватывает фениксов из воздуха и проглатывает не жуя, я на время потерял дар речи и чуть не расплакался.

В этот зал я тоже с тех пор не возвращался.

Я бегу по винтовой лестнице наверх в свой любимый Солнечный зал. Над входом светится витраж, изображающий феникса и яйцо, соединенные кругом пламени. На наш тринадцатый день рождения ма привела нас сюда. Брайтон вел себя прилично, но быстро потерял терпение, когда я начал читать все подписи и этикетки. Я тогда читал не очень шустро (да и сейчас тоже) и надолго застревал перед каждой витриной, боясь, что никогда больше сюда не вернусь.

В Солнечном зале есть все: флейты, имитирующие песни, с помощью которых фениксы переговариваются и обучают птенцов; деревянные и стальные арбалеты в форме крыльев; веера из зеленых и синих перьев; церемониальные подсвечники для тех, кто молится пламени феникса о возрождении любимых после смерти; яичная скорлупа всех цветов и размеров; песочные часы с пеплом внутри; глиняные маски с огромными клювами и кожаные куртки с перьями на рукавах – почти такие же, как у Сияющих рыцарей; окаменевшие слезы; ряд ножей конца с почерневшими костяными рукоятями и зазубренными лезвиями, желтыми, как кровь гидры, из которой они были скованы, чтобы гасить пламя фениксов и не позволять им возрождаться.

– Простите, – раздается голос с британским акцентом – моим любимым акцентом, на минуточку. В груди что-то сжимается, я оборачиваюсь и вижу молодого красивого парня, бледного, в веснушках, небритого, рыжего и лохматого. На нем футболка с пейзажем Нью-Йорка – такую может надеть либо турист, либо тот, кто проиграл пари. Он указывает на мой бейджик.

– Вы здесь работаете?

– Да. – Я чувствую, как теплеют щеки, и мечтаю стать невидимым, чтобы он не заметил, как я краснею. – Чем я могу вам помочь?

– Когда проходят экскурсии?

– В начале каждого часа.

Парень смотрит на часы.

– У меня в полдвенадцатого шоу. Может, вы проведете мне короткий тур? Обещаю не задавать много вопросов.

Я готов выслушать любые вопросы, если их задают таким голосом. До официального начала моей смены десять минут, но меня вообще это не смущает. Чтобы провести время с ним, я готов работать сверхурочно.

– Я могу вам все показать. Вы один?

– Да. – Он протягивает руку, которую я с удовольствием жму. – Я Чарли.

Не стоит мне этого делать. Я не зубрилка Брайтон, который знает все ответы. Но сейчас тот редкий случай, когда я готов ответить на любой вопрос. Я стараюсь не зацикливаться на том, что мои узкие джинсы и любимые коричневые ботинки из секонд-хенда выглядят не так круто, как мне всегда казалось. И меня даже не особо волнует, если Чарли живет в другом городе: для чего еще придумали фейстайм?

– Что вас интересует?

– Я не подозревал, что существует столько разновидностей фениксов, – отвечает Чарли, проводя рукой по волосам, как обычно делают модели в интернете.

– Их туча, – говорю я, пытаясь понять, какого цвета глаза Чарли – изумрудного или цвета весенней листвы. Я представляю, как допоздна болтаю с ним по телефону, лишь бы подольше слышать его голос, но тут же соображаю, что должен вести экскурсию, как положено гиду.

– Взгляните. – Я показываю на модели фениксов под потолком. – Существует несколько десятков пород, и хранитель коллекции Кирк Беннет выбрал для наших гостей самые популярные. Гулять под фениксами – одно из моих любимых занятий.

– Расскажите мне о них, – просит Чарли.

– О моих любимых занятиях? – Даже не знаю, с чего начать.

– О фениксах, – с улыбкой говорит он.

Мне вдруг становится жарко, хотя я стою вдалеке от солнечных лучей, бьющих в потолочное стекло. Я беру реванш, указывая на фениксов – как на звезды – и рассказывая их истории, словно складывающиеся в созвездие. Коронованные старцы; небесные ныряльщики, которые живут под водой и могут поджечь океан своим лазурным огнем; вековые фениксы, которые возрождаются только раз в столетие; обсидиановые, с сияющим черным оперением и глазами такими темными, что кажутся дырами; мимолетные, которые бросаются на врагов как ракеты, взрываются и возрождаются мгновение спустя в поле пепла; сверкающие буревестники, способные поднимать бурю взмахами огромных крыльев, размах которых втрое больше их некрупных тел. Я останавливаюсь перевести дыхание после солнечных глотателей, которые выдыхают самое жаркое пламя и сгорают быстрее всех.

– Невероятно, – говорит Чарли и подходит к модели одного из самых знаменитых фениксов в истории. Серый солнечный феникс сидит на бронзовом насесте. У него глаза-жемчужины, серая грудка, темный хвост, желтые крылья и золотой венец на голове. Перед ним висят изображения призраков Кеона Максимо и Батисты де Леона. – Теперь я кое-что понял. Я читал о королевских убийцах, которые выклевывали глаза драконам, – вот это я понимаю, фениксы! Почему эти двое так парились из-за серых солнечных?

Блин, все, что мне нравилось в Чарли, словно испарилось. Британский акцент больше не услада для моих ушей, зеленые глаза не навевают поэтических ассоциаций, и вообще, ему стоит то ли побриться, то ли отрастить бороду, потому что щетина выглядит тупо.

– Нельзя убивать невинных созданий, – решительно говорю я, не в силах смотреть ему в глаза. – К тому же вы недооцениваете серых солнечных. После каждого возрождения они становятся сильнее и быстрее. Они хороши в бою, но они не оружие. Они настолько добродушны, что спасают раненых путешественников в глуши и защищают животных и тварей.

– А эти отморозки все равно их убили. И зачем?

Я смотрю на зернистое фото Кеона Максимо, алхимика, ставшего первым призраком. Пронзительные грифельно-серые глаза скошены влево, он кусает тонкую нижнюю губу, побитые сединой светлые волосы выбиваются из-под капюшона.

Не успеваю я ответить, как слышу за спиной голос.

– Кеон Максимо ответственен за весь этот хаос. – Кирку Беннету чуть за тридцать, и он гений. Я бы хотел, чтобы он взял меня под свое крыло. Не могу отвести взгляд от ярко-синей татушки небесных ныряльщиков на его бледном запястье, пока он продолжает, выразительно жестикулируя: – Никто не знает мотивов Кеона, но историки полагают, причина проста: он хотел власти.

– Повезло, что там оказался этот чувак, – говорит Чарли, указывая на портрет Батисты де Леона. Короткая стрижка, карие глаза, тень бородки и самый первый магоустойчивый жилет Чарохода. Знак нанесен на грудь как граффити.

– Его история сложна, поэтому, к сожалению, у нас нет четких ответов на многие вопросы, – отвечает Кирк. – Кто-то верит, что Батиста герой, потому что при жизни он сдерживал угрозу призраков. Другие указывают на то, что по природе своей он сам был призраком, а значит, не мог быть героем и просто устранял конкурентов, чтобы править городом самостоятельно. Неизвестно, правда ли, что Батиста черпал силы из серого солнечного феникса, прирезанного клинком конца вечности, но многие возмущены тем, что именно он установил традицию убийства тварей для собственной выгоды.

– Они ведь даже не все способности получают, – говорит Чарли. – Ведь эти двое никогда не перерождались?

– К счастью, нет. – Кирк качает головой. – Конечно, фениксы возрождаются с разной скоростью, но пока ни один призрак, воспользовавшийся их кровью, не возродился. Если механизм возрождения станет доступен людям, это окажется настоящей трагедией для фениксов. – Он смотрит на меня сквозь стекла в широкой оправе. – Тебе не пора на работу?

– Я думал, ты уже на работе, – говорит мне Чарли.

– Удачи, – отзываюсь я, пытаясь выглядеть профессионально, но не поднимаю глаз.

Вести экскурсии в Солнечном зале – моя мечта, но мне приходится спуститься на один пролет, в сувенирный магазин, где я на самом деле работаю. Однажды я сидел в Солнечном зале и рисовал фениксов, и ко мне подошел Кирк и похвалил мои наброски. Я сказал, что мечтаю поработать здесь экскурсоводом. Кирк сразу же принес мне заявление о приеме. Я надеялся, что он предложит мне работать с ним, но оказалось, что вакансия была в сувенирном магазине. Не совсем то, чего я хотел, но все же какой-никакой первый шаг.

Мой коллега, Сергей, стоит за кассой. Я нервничаю, когда он косится на меня, и кусаю ногти, прежде чем отметиться и сменить его, чтобы он мог заняться делами в кабинете. В магазине больше народу, чем обычно – в музее детский день рождения, – но через несколько минут очередь рассасывается, и все возвращается на круги своя.

Мы продаем только сувенирку с фениксами, и будь я побогаче, я бы немедленно отдавал всю зарплату обратно музею в обмен на принты с картинами местных художников. Я привожу в порядок плюшевых пепельных буревестников и приношу из подсобки обычных костяных фениксов, которых покупают чаще всего (хотя они гораздо белее настоящих). Я занимаюсь инвентаризацией, пользуясь ручкой с фальшивым пером феникса, когда входит Кирк.

Кирк невысокий и носит густую бороду (этим он напоминает мне папу). Он всегда одет в мешковатый костюм. Интересно, он тоже старается скрывать свое тело или просто не умеет покупать одежду? Впрочем, это не мое дело. Именно из-за такой фигни люди отпускают комментарии насчет моего собственного тела.

Ты похож на скелет.

Надо больше есть.

Ты здоров?

Ты такой тощий.

Обычно, если Кирк забегает в сувенирный, он проверяет, как продается его нон-фикшн об экспедициях, в которых он участвовал (продается книга плохо). Но я знаю, что сегодня дело в другом.

– Прошу прощения за то, что провел экскурсию, – немедленно выпаливаю я, потому что он явно пришел за тем, чтобы напомнить мне о моих обязанностях. – Он красавчик и интересуется фениксами, так что я не удержался. Если бы я знал, что он такой идиот в вопросах алхимии крови, я бы к нему даже не подошел.

– В других странах есть свои сомнительные фигуры, но за последнее время не было никого, подобного Кеону… или ничего настолько же опустошительного, как Блэкаут, если на то пошло. Они просто не понимают уровень напряженности в Америке. – Кирк открывает свою папку и перекладывает договоры на охрану и упаковочные материалы. – У меня все еще нет вакансии в Солнечном зале, но мне пригодилась бы помощь в одном проекте, который может принести денег на обновление экспозиции.

– Я в деле, – отзываюсь я. – Не знаю, в каком, но мне все равно.

– Дело не совсем обычное. В конце месяца у нас пройдет грандиозное мероприятие, но ближайшие пару дней оно должно оставаться в секрете. Это будет уникальный, невероятный праздник. Мы увидим рождение векового феникса.

– Что?! – Я даже представить себе не мог, что увижу векового феникса, не говоря уже о его вылуплении из яйца.

Глаза Кирка сияют.

– Дела налаживаются, Эмиль. Вековые фениксы – невероятно редкая порода, ты и сам знаешь. Возрождаясь, они обычно не размножаются, но это синее яйцо покрыто перьями.

Минуту я пытаюсь понять, о чем он говорит, но не могу. Конечно, нельзя сравнивать свои познания с познаниями человека, имеющего магистерскую степень по твареведению и годы опыта в выращивании фениксов и оборудовании их среды обитания. Но каждый раз, когда я чего-то не знаю, мне сложно радоваться, что теперь я это узнал. Я скорее чувствую себя идиотом, потому что не выяснил этого раньше.

– Что это значит?

– Яйцо векового феникса имеет оперение только при первом рождении.

– Значит, это первый цикл жизни!

– Да, мир увидит первый вздох Грейвсенд.

– А где сейчас яйцо?

– Его охраняют Сияющие рыцари. Оно в надежном месте и останется там, пока не настанет час рождения. Птицу необходимо защищать от контрабандистов и Кровавых чародеев, которые сразу же примутся за поиски, как только мы объявим о приеме. Мы позаботимся о ней первый месяц, а потом выпустим на волю.

Я думаю о попавших во все новости призраках. В их жилах текла кровь фениксов.

– В новостях говорили, что призрак перед смертью смог отрастить новую руку, но его огонь выглядел как у обычных костяных или коронованных старцев… или венценосных. Регенерация ведь невозможна, да?

Кирк оглядывается, как будто думал о том же самом.

– Для призраков важнее всего сила. Меня не удивит, если кто-то из них пытается сделать невозможное возможным, как Кеон, который изобрел алхимию крови. Думаю, кто-то нашел способ получать двойные способности. Мир постоянно меняется, и, кажется, нам предстоит стать свидетелями очень мрачных дней. Особенно если вспомнить, что взошел Венценосный мечтатель. Давай соберемся с духом и будем надеяться, что никто не доберется до Грейвсенд.

Обычно у меня нет секретов от Брайтона, но этот я никому не расскажу. Он уезжает в Калифорнию через два дня, и это мой шанс повзрослеть, преобразиться. Мое собственное маленькое возрождение. Я буду изо всех сил учиться – на этот раз как следует, не брошу через неделю. И начну готовиться к рождению Грейвсенд и эмоциям Брайтона, когда он увидит, каким спецом по фениксам я стал. Мне нужно подружиться с Кирком, потому что тогда я смогу позвать Брайтона обратно в Нью-Йорк, чтобы он снял эксклюзивный ролик о Грейвсенд для своего сериала.

Если я это вытяну, может, я перестану чувствовать себя ребенком, хотя у нас разница всего семь минут.

Может, я больше не буду просто помощником.

Шесть. Небожители Нью-Йорка. Брайтон

Мой последний день в Нью-Йорке начинается хреново.

Сегодня полгода с папиной смерти. Ма меня игнорирует, потому что я предпочел собирать вещи, а не разговаривать о своих чувствах. Я решил отвлечься, заполучив одобрение в интернете, и потому запостил новый эпизод. Кучи комментов и новых просмотров не было, фанаты оказались разочарованы, мягко говоря. Им неинтересен младший менеджер турагентства, который нанимает телепортаторов для перевозки небожителей – их не пускают на самолеты, потому что их силы считаются опасными. Вместо этого меня закидали вопросами, почему я не взял интервью у Атласа и Марибель, как будто инспекторы любезно ушли бы попить кофе, пока я занимался бы делом.

Иногда фанаты ведут себя глупо.

Ко всему прочему мы сильно опоздали на пятничный праздник мечтателей из-за Эмиля, а пробиваться через толпу в Центральном парке – настоящий ад. Я хочу, чтобы мое шоу вышло за пределы ютьюба – лучше всего заполучить ток-шоу в прайм-тайм, конечно, – но тот невероятный контент, который я мог бы снять за последние пару часов, так и не родился, потому что Эмиль работал над каким-то проектом мечты, о котором не рассказывает мне и Пруденции. Не знаю, что у него за тайны, но я бы не ждал ничего грандиозного от загибающегося музея. Но так как Эмиль все еще злится из-за позавчерашней встречи с инспекторами, я пообещал ему, что мы пойдем все вместе.

В парке выстроились несколько десятков инспекторов. Эмиль паникует, тяжело дышит и выглядит реально подозрительно.

– А что, если это они в нас стреляли?

– Сомневаюсь.

– Тебе-то откуда знать?

– Хочешь уйти? – спрашивает Пруденция.

Он смотрит на меня. Не знаю, как я выгляжу, но он мотает головой.

Отлично.

Я понимаю, что взрывающиеся здания и бросающиеся заклинаниями инспекторы кого угодно заставят понервничать, но меня это как-то не тронуло. У меня тревога – если ее вообще можно так назвать – всегда воспринимается умом и никогда не выбивает из колеи, как Эмиля. Даже когда меня что-то действительно напрягает. Как, например, тогда, когда стали приходить письма из колледжей, и тот, куда я хотел больше всего, поставил меня в список ожидания.

– Простите, я все порчу, – говорит Эмиль, когда мы проходим мимо инспекторов.

– Ничего ты не портишь, все будет хорошо, – отвечаю я. Это лучшее, что я могу придумать, хотя я не уверен, что тут в принципе можно найти правильные слова, чтобы успокоить Эмиля или залечить его ментальные раны.

Я люблю брата, но нам нужно провести какое-то время друг без друга. Переехав в Лос-Анджелес, я смогу сосредоточиться на себе. Эмилю придется постараться и научиться заботиться о себе, когда меня нет рядом. Это пойдет нам на пользу. Братья не должны посвящать жизнь друг другу.

Я изо всех сил стараюсь не падать духом, особенно если учесть, что на этой неделе Пруденция уже видела меня грустным, но на поле сидит куча зрителей на пледах, мы ужасно далеко от куполообразной сцены, и я уже упустил естественный свет, пригодный для съемки. Я все равно достаю камеру.

Венценосный мечтатель ничего для меня не сделал после своего появления в небе, но, может быть, сегодня созвездие бросит мне кость – и я сделаю пристойный контент.

Мы уже пропустили интервью моей любимой художницы Гималии Лим – ее первое публичное появление после того проекта, где она летала над Бронксом и зарисовывала самые неприятные и опасные его районы, убеждаясь, что люди так просто ничего в них менять не станут. Почему мне придется смотреть это на чужом канале, а сейчас надо сидеть и слушать группу Дуба? Я отписался от него в инстаграме несколько месяцев назад, потому что он перестал постить видео о своей растущей силе и начал публиковать фотки без рубашки, чтобы хайпануть, при этом задавая подписчикам вопросы, не имеющие никакого отношения к его рельефному прессу. Я тщательно изучил его аккаунт и вынужден отдать ему должное: его мышцы интересуют людей куда больше колдовских подвигов. Всем нам приходится делать то, что приходится, чтобы стать знаменитыми.

Я настраиваю камеру для главного события, когда передо мной встает небожительница. Фальшивая светящаяся в темноте татуировка выглядит очень круто, но просмотров она мне не принесет.

– Все в порядке? – спрашивает Пруденция.

– Она мне все загораживает, – отвечаю я.

– Оставь ее в живых. Может быть, она не привыкла использовать свою силу у всех на глазах. – Пруденция кладет руку мне на плечо и смотрит в глаза. – Убери камеру, Брайтон. Это наш последний вечер вместе.

Этот вечер прошел бы совсем по-другому, если бы мы с Пру сидели под звездами только вдвоем. Если мы мое видео с дракой завирусилось, я взял бы выходной. Но как я смогу прокачаться, если не буду работать при каждой возможности?

– Я никогда не окажусь на этой сцене, если не буду выкладываться по полной.

– Пожалуй, – отвечает Пруденция так, что я слышу: «Ты проиграл».

Может быть.

Толпа взрывается криками, и на сцене появляются Лорэ. Человек живет жизнью моей мечты и очень быстро зарабатывает настоящую славу в Сети. Их кампания «Выберем президентом небинарную персону корейского происхождения» стала такой популярной, что вдохновила кучу подростков пойти по стопам Лорэ. Первый миллион подписчиков они набрали за год. Контент варьируется от комедийных скетчей до роликов о героических поступках небожителей, сражающихся против общественного мнения. В прошлом декабре даже вышло интервью Лорэ с Уэсли Янгом, снятое в его день рождения: Янг играл со щенками и обсуждал движение за принятие полных людей. А теперь вот Лорэ берут интервью, после которого мы все будем выглядеть жалкими любителями.

– Спасибо за вашу любовь, Нью-Йорк, – говорят Лорэ в микрофон. Серебряное платье сверкает и переливается, как звездное небо. – Поверить не могу, что мы удостоимся чести встретиться с этой невероятной женщиной, так что давайте воспользуемся этим, пока она не передумала! Поаплодируем кандидатке, за которую мы все обязательно проголосуем в ноябре! Встречайте конгрессвумен Николетт Санстар!

Крики становятся все громче. Появляется Николетт Санстар в желтом брючном костюме, обнимает Лорэ. Они садятся рядышком и кажутся старыми друзьями, хотя наверняка всего лишь поболтали пару минут за сценой. Но конгрессвумен Санстар так искренне, от всей души хвалит предвыборную кампанию Лорэ в старшей школе, как будто это ничуть не менее важно, чем ее собственные президентские выборы.

Лорэ втягивают Санстар в откровенный разговор о том, каково быть первой чернокожей небожительницей в избирательном бюллетене. Она напоминает нам, за что борется: за право для колдунов свободно работать, чтобы им не приходилось зарабатывать деньги, заряжая жезлы, самоцветные гранаты и наручники для инспекторов, которые используют это против самих же небожителей; за защиту беременных небожительниц, которых убивают или арестовывают и запирают под землей, вдали от звезд, дающих им силы, чтобы подавить способности

нерожденных детей и не позволить им развиться; за отстранение коррумпированных инспекторов, чтобы колдуны могли жить в мире, не прячась в убежищах; за осуждение алхимиков вроде Луны Марнетт, лидера Кровавых чародеев, приносящих больше вреда, чем пользы (вне зависимости от того, сколько денег они приносят инспекторам).

Я бросил попытки снять что-то из происходящего: снимают и стримят абсолютно все. Так что я наклоняюсь вперед вместе с толпой, когда Санстар просит особого внимания.

– Раз за разом мои оппоненты, в особенности сенатор Айрон, подавляли имеющих силу – потому что они сами хотят эту силу. – Санстар говорит нежно, как мать, рассказывающая сказку на ночь. – Никто не отрицает, что сенатор пережил чудовищную трагедию, потеряв жену и сына. Но ошибки немногих не перевешивают жизни всех. Я хотела бы жить обычной жизнью матери, которую волнуют родительские собрания, а не глобальные вопросы. Жизнью жены, поддерживающей любовь в семье, а не защищающей страну. Но я небожитель и хочу, чтобы такие, как я, были в безопасности и процветали. Я не могу сидеть и ждать, когда кто-то другой сделает работу, которую я не хочу делать сама.

Санстар подходит к краю сцены.

– Я чувствовала, что утратила надежду, что во тьме нет ни единого луча света. Но пусть я его не вижу – я верю, что он есть, и все благодаря вам. Посмотрите на своих соседей. Вы не одиноки в своей надежде. Вы пришли сюда, потому что вы верите. – Она поднимает кулак. – Мы не позволим тьме победить. Звезды должны сиять в небе!

Золотой свет вспыхивает в ее руке и взрывается фейерверком под Венценосным мечтателем.

Все аплодируют, когда к Санстар присоединяются муж Эш Гиперион и дочь Проксима. Если они окажутся в Белом доме, это будет настоящее чудо. Люди ломятся на сцену, но когда Лорэ фотографируются вместе с семьей Санстар, я не выдерживаю и ухожу.

Сегодня у меня появилась цель: превзойти Лорэ крутостью и известностью. Если мне не суждено стать небожителем, пусть меня запомнят как величайшего из смертных.

Эмиль и Пруденция тащатся за мной, пока я болтаю с народом, выясняя, что они думают о Санстар и мире в целом. Группка девушек заразительно скандирует «Звезды должны сиять», и я их снимаю. Провожу интервью с синеволосой небожительницей, которая рассказывает, что даже несмотря на то, что она умеет создавать щит вокруг всего тела, она все равно не чувствует себя в безопасности рядом с инспекторами. Мы привлекаем внимание других небожителей, например пожилой женщины, которая уверенно говорит, что жестокость инспекторов не бывала такой тягостной с самого ее детства – примерно тогда, шестьдесят с лишним лет назад, появились призраки. Больше всех возмущается мужчина со светящимися кулаками, которые потрескивают молниями, стоит ему соединить руки. Он обещает, что, если инспектор направит на него жезл, он не задумываясь нападет первым.

– Сожги эту пленку, – говорит Эмиль, когда мужчина уходит, перебрасывая молнии из ладони в ладонь.

– Обязательно.

Мои ролики никогда не будут использованы для возбуждения исков против небожителей. Жизнью клянусь.

Мое внимание привлекают четверо молодых людей у озера. Двое сжали кулаки и примериваются друг к другу, будто собираются драться, третий снимает это на телефон, а последний смеется и держит в руках сумку-холодильник.

– Гляньте.

– Они же не будут просто смотреть, как эти двое друг друга убивают? – возмущается Пруденция и бросается вперед. – Эй, хватит!

– Я превращу тебя в пепел, – говорит покрытый веснушками подросток. Колдун…

Я оттаскиваю Пруденцию, пока она не пострадала. Венценосный мечтатель действительно морочит голову, раз уж мы сейчас увидим вторую схватку за неделю.

– Да я тебя раньше сдую! – отвечает парень, у которого под спортивной курткой бугрятся мышцы.

Веснушка открывает рот и щурится, но огня нет. Может, Качок сгорает изнутри? Но он поднимает кулак к небу и поворачивает его, как будто пытаясь закружить из воздуха торнадо. Чувак с холодильником ржет и держится за живот. По-моему, единственное, что здесь смешного – это жуткий пучок у него на макушке. Люди, которые дерутся, притворяясь, что у них есть сила, не смешны, а отвратительны.

Осторожно подходит Эмиль.

– Что тут происходит?

– Может, они кино снимают, а эффекты наложат на монтаже, – пожимаю я плечами.

В моих любимых инди-фильмах раньше снимались небожители, использующие свои настоящие силы, но в Голливуде предпочитают спецэффекты: так безопаснее для декораций.

– Но мы попали в кадр, а им все равно, – говорит Пруденция.

Веснушка и Качок тяжело дышат и снова повторяют свои жесты. Никогда в жизни не видел ничего более странного. Мы с Эмилем сражались так в детстве, но мы же были мелкие! А эти двое слишком взрослые для подобных игр. Оба пошатываются и быстро моргают, но потом приходят в себя.

– Круто! – Веснушка бьет кулаком в кулак Качка. – Так реально!

– Я тебя за деревья закинул, – смеется Качок.

Они уходят, а Пучок орет им вслед, чтобы они не забыли рассказать друзьям.

– И что это было? – спрашиваю я.

Последний парень перестает снимать и убирает телефон.

– Бизнес.

– Что за бизнес? – интересуется Эмиль.

Парень удивленно смотрит на Эмиля, потом молча разглядывает нас.

– Это называется Варево, – говорит Пучок и достает из своего холодильника фиал, заполненный светлой золотой жидкостью, похожей на шампанское. Никогда о таком не слышал. – Мы используем кровь иллюзионистов для создания галлюцинаторных зелий. Тот, кто их выпьет, почувствует, что у него есть сила. Недешево, но зато очень реалистично. Помогает выпускать пар.

Я однажды играл в виртуальную реальность за небожителя, но всегда осознавал, что это игра. Однако эта штука звучит убедительнее.

– И почем такая бутылочка? – Денег с собой (да и вообще) у меня не так много, но мне до смерти хочется попробовать зелье.

– Триста.

Предвкушение, заполнившее грудь, тут же сдувается. Я в минусе, потому что не продал мерч, а на рекламе в роликах я не могу зарабатывать, так как их смотрит мало народу.

– Могу дать двести, только к банкомату нужно сбегать.

– Джеймс, мы делаем скидки? – спрашивает Пучок.

– Никаких скидок, Ортон.

Ортон опускает фиал обратно в холодильник.

– Погоди.

Эмиль пытается оттащить меня в сторону.

– У тебя нет денег. Идем домой.

Я не обращаю на него внимания.

– Я автор канала «Небожители Нью-Йорка». Знаете такой?

Они смотрят на меня так, как будто я спросил их о смысле жизни.

– Я снимаю людей, которые рассказывают о своих силах. Я могу разрекламировать ваше Варево. Заключим сделку. Вы мне зелье, я вам рекламу. Вы свою кровь используете?

– Я круче небожителей, – ухмыляется Ортон. На мгновение глаза его вспыхивают нездешним светом, но быстро становятся нормальными. – И круче других призраков.

Невероятная возможность. То, что нужно, чтобы возродить канал. Совсем особая история.

– Я никогда раньше не делал интервью с призраками.

– И не надо, – говорит Пруденция. – Это часть государственной проблемы.

– Ты не знаешь мою историю, – отвечает Ортон.

– Ну так расскажи. – Я поднимаю камеру. – Я хочу понять, как ты пришел к алхимии крови, как выбрал тварь, где нашел надежного алхимика, когда получил силы.

– И все?

– Мы не даем интервью, – вмешивается Джеймс. Он ниже Ортона и вообще явно на вторых ролях, хотя говорит очень уверенно.

– Десять минут. Максимум пятнадцать.

– Призраки почти никогда не делают ничего хорошего, – шепчет мне Пруденция. – Не смей их рекламировать: они недостойны этого.

– Я просто хочу их понять!

– Нет, ты хочешь узнать, как самому стать призраком.

Я потрясен этим обвинением, но не теряю достоинства.

– Мой отец умер от алхимии крови. Я никогда не стану делать этого с собой. А даже если бы и решил… Вот Батиста был призраком, но он собрал величайшую команду нью-йоркских героев. Почему все об этом забыли?

– Он дилер, Брайтон. – Пруденция тычет в Ортона. – Не герой!

– Кстати, у меня тоже есть чувства, – замечает Ортон.

– Как и у твари, которую ты изувечил, – говорит Эмиль, не поднимая глаз.

Ортон не обращает на него внимания.

– Я помогаю исполнять мечты.

– Тебе нужно разобраться со своей жизнью. Пока! – Пруденция сжимает кулаки и убегает. Я следую за ней, хоть и теряю уникальную возможность.

– Ты должен был меня поддержать, Брайтон, – говорит она.

– Я хотел снять интервью.

– Ты просто одержимый…

– Я хотел понять, что движет человеком, который рискует жизнью ради силы, ведь алхимия крови смертельно опасна. Помнишь, что случилось с отцом…

– Ребята, – перебивает меня Эмиль паническим тоном. Хуже, чем при виде инспекторов. – За нами гонится призрак.

Семь. Золотой и серый. Эмиль

Это один из редких случаев, когда я жалею, что не обладаю способностями. Сейчас бы не бежал в метро, а просто телепортировался вместе с Брайтоном и Пруденцией. Впрочем, меня бы устроили и защитные силы: создал бы вокруг нас щит, например. Я не верю, что на нас реально могут напасть, и не представляю, какими силами владеет Ортон. Пронзит, как василиск? Сожжет, как феникс? Парализует иллюзиями, как дух?

– Валим, валим, – говорю я, когда приезжает поезд и мы втискиваемся в переполненный вагон.

Двери закрываются до того, как Ортон и Джеймс успевают влезть. Ортон ухмыляется нам вслед. Я перевожу дыхание и смотрю на Брайтона.

– Ты не мог бы в следующий раз не общаться с безумными эгоистами?

– Все было в порядке, пока вы на него не накинулись.

– Только не сваливай все на нас, – говорит Пруденция.

– Я документирую человеческие жизни! Его история могла бы многим раскрыть глаза.

Тут Брайтон понимает, что наш спор привлекает внимание других пассажиров, и замолкает. Кто-то на другом конце вагона залез на сиденье и снимает нас. Я уже хочу крикнуть ему, чтобы он отвалил, как внезапно через межвагонные двери заходят Ортон с Джеймсом.

Сердце громко колотится. Это невозможно, поезд же уехал!

– Не оглядывайтесь. Они здесь, – говорю я.

Брайтон, идиот несчастный, тут же оглядывается.

– А что я говорил?

– Как они сюда попали? – спрашивает Пруденция.

– Какая разница, – отвечает Брайтон. – Не волнуйтесь, они ничего не сделают. Тут слишком много людей.

Я ему не верю. Если нас так долго преследуют, им все равно, сколько здесь народу. Если мы сумеем выбраться из поезда и дойти до дома, я больше никогда не выйду из комнаты. Я не хочу пополнять чертову статистику убитых сумасшедшими призраками. Я злюсь на Брайтона, но, когда Ортон начинает проталкиваться к нам, у Брайтона просыпается комплекс героя, и он закрывает собой меня и Пруденцию.

– Не успели попрощаться, – говорит Ортон.

– Вы вообще нормальные? – Пруденция трясет головой.

– Успокойся, Пру, – говорю я.

Конечно, многие бы полезли в драку, но лично я предпочитаю оставаться в живых.

– Твой друг хотел узнать мою историю. Я устал быть мальчиком для битья, так что стал богом.

– Но мы тут не за этим. – Джеймс тянет Ортона за руку.

– Небожители уже рождаются с силами, но настоящая смелость проявляется, когда отбираешь способности. Многие пытаются и погибают. Я не такой, как они. – Ортон сжимает кулаки.

Ортон может сколько угодно болтать о том, какой он крутой, но, чтобы справиться с тремя подростками без сил, много ума не надо. В конце концов я впадаю в панику и прошу о помощи. Только пара человек кричат на Ортона, чтобы он к нам не приставал, остальные достают телефоны и готовятся снимать. Может, будь я их любимым сериалом, который собирались бы закрыть, они бы заволновались. Но вместо этого я рискую попасть в новости, которые они видят вживую.

И хоть в меня стреляли инспекторы, сейчас ужас стискивает меня все сильнее. В той схватке я был сторонним наблюдателем, безымянным человеком без лица, который теряется в толпе и становится случайной жертвой или выжившим с историей. Теперь же я стал мишенью.

– А ну полегче, – говорит Брайтон.

Ортон подходит вплотную к Брайтону, чуть не касаясь его лица.

Я втискиваюсь между ними, потому что никто не смеет подходить так близко к моему брату. Ничего не понимаю в биологии, но даже я знаю, что сердце не должно биться так сильно и быстро.

– Ты победил. Ты бог. Мы заткнемся.

Ортон усмехается и протягивает руку.

– Договорились.

Я вижу у него на предплечье два глубоких свежих шрама, почти хирургических, даже чище. Я протягиваю ему руку, потому что мне страшно, ладно?

Ортон убирает руку.

– Вы собирались использовать силу.

– Нет, что ты, – качаю я головой. – У нас нет никаких сил, не бойся…

Я осекаюсь, но уже поздно. Призрак мрачно ухмыляется. Я попал. Надо было соврать, потому что от правды толку нет. Ортон кричит, что мы должны склониться перед ним.

Он хватает меня за руку и кидает к двери поезда. Я бьюсь головой о поручень – наверняка выскочит шишка. Влетаю лицом в лужу холодного кофе и сплевываю на пол. Пытаюсь вдохнуть поглубже, подняться, но дышать не получается. Вокруг все плывет, никак не могу отдышаться, из глаз льются слезы. Моего плеча касается рука, я дергаюсь, думая, что это снова Ортон, но это Пруденция, которая спрашивает, как я.

В вагоне нарастает хаос.

Брайтон кидается на Ортона, потому что, хоть это и глупо, мы всегда друг за друга, но каким-то образом пролетает сквозь тело призрака. Как будто Ортон голограмма. Бред какой-то. Проходить сквозь твердые предметы – способность небожителей, а призраки не умеют красть их силы.

Я встаю. Спина болит. Вот бы кто-нибудь в этом поезде хоть что-нибудь сделал, вместо того чтобы снимать, как нас валяют по всему вагону. Пруденция заносит руку, будто хочет дать Ортону пощечину, но он пинает ее в живот, и она падает на меня.

– Ты как? – спрашиваю я.

Пруденция тычет рукой в Брайтона. Он поднимается, красный и помятый, и кидается на призрака сзади. Ортон разворачивается, хватает Брайтона за горло и тащит за собой. Просачивается через дверь, собираясь скинуть Брайтона с поезда.

– Брайтон!

Я весь дрожу, как будто у меня лихорадка. Зубы ноют, голова кружится, горло пересохло, разбитая губа распухла. Я слишком молод для изжоги, но по-другому описать огонь в груди не могу. Перед глазами туманится, словно я иду сквозь облако пара, и вой внутри меня нарастает, превращаясь в рев. И тут все заканчивается.

Не представляю, как сильно меня ударили. Может быть, адреналин не дает ощутить боль в полной мере. Но когда я вижу, что этот маньяк сейчас выкинет брата из поезда, то понимаю, что, если я немедленно не доберусь до него, в следующий раз увижу Брайтона уже на рельсах, мертвым и неузнаваемым. Так страшно мне еще никогда не было.

Мой кулак вспыхивает.

Пламя золотое и серое, живое и тяжелое, оно обжигает меня так, как никогда не обжигало солнце, но кожа не обгорает. Я в порядке. Более или менее.

Вспышка привлекает всеобщее внимание, все замирают, даже призрак, который отступает на шаг и смотрит на меня в ужасе.

Брайтон тяжело дышит. Хотя на кону его жизнь, в глазах у него удивление. Он встряхивается и бьет Ортона локтем в живот, освобождаясь от захвата. Белое пламя охватывает руку Ортона – так же горела рука другого призрака позавчера. Они явно работают вместе. Он бросается вперед. Я принимаю защитную стойку, готовясь обороняться. Только бы продержаться до следующей станции – потом мы выскочим из поезда и позовем на помощь. Хоть я и дрищ и в драках никогда не побеждал, я все равно замахиваюсь на призрака. Огонь слетает с руки шестью горящими стрелками, быстрыми и маленькими. Впиваясь призраку в плечо и живот, они скрежещут. Ортон теряет равновесие, врезается в дверь и, как я и думал, просачивается сквозь нее и падает на платформу.

Пассажиры радостно вопят. Я застываю на месте.

Я же не…

Я же не убил Ортона?

Плохой он или нет, но жизнь – это жизнь, и я не собирался ее отнимать. Я не хочу быть таким только из-за того, что обрел силу.

Но как? Откуда, черт возьми, она взялась? Или… это ведь не розыгрыш?

Мой кулак все еще пылает бесстыдно ярким серо-золотым факелом. Я встряхиваю рукой, задувая его, как свечу. Пламя затихает и гаснет.

Все в безопасности. Брайтон и Пруденция смотрят на меня как на незнакомца, который упал с неба и спас их.

Я чувствую вкус крови. Все тело ноет, как будто по мне топталась целая банда, а не один призрак. В холодном душе мало приятного, но сейчас я готов нырнуть в ванну, до краев заполненную льдом. Брайтон наверняка чувствует то же самое. Кожа зудит и горит, и я вспоминаю, как пару лет назад мы с Брайтоном готовили для родителей завтрак в честь годовщины свадьбы, и я взялся голой рукой за раскаленную сковородку.

Открываются двери. Мы выходим из поезда, пассажиры продолжают снимать. Надо бы это прекратить. Инспекторам плевать, что это была самооборона. Я не знаю, как буду жить, убив Ортона. Струйка дыма вьется над грудью Ортона, но грудь эта медленно вздымается.

Он жив.

Я так рад, что чуть не плачу. И тут же снова напрягаюсь: ко мне подходит инспектор, направляя в грудь металлический жезл.

– Всем лечь! – Он обводит нас глазами. Мне очень хочется объяснить, что я понятия не имею, как все произошло, но вместо этого бухаюсь на колени вместе с Брайтоном, Пруденцией и Джеймсом.

– Он на нас напал, – говорит Пруденция.

Инспектор склоняется над Ортоном. Когда он тянется за висящей на поясе перчаткой, Ортон распахивает глаза, полные мрака, заносит горящий огнем феникса кулак и бьет инспектора в челюсть. Тот взлетает в воздух и обрушивается на землю. К нам бегут еще двое, на ходу выпуская в Ортона молнии из жезлов.

Я встаю и бегу вместе с Пруденцией, Брайтоном и Джеймсом. Мы несемся по лестнице, но тут у Джеймса из кармана выпадает телефон. Я узнаю желтого волка на чехле. Даже в спешке я припоминаю прохожего с таким же чехлом, который снимал драку во время восхода Венценосного мечтателя.

Джеймс подхватывает телефон и бросается вперед так, будто я собираюсь его убить. Я бегу за ним – просто хочу разобраться в том, что происходит. У турникета Джеймс ввинчивается в толпу, расталкивая людей. Я смотрю на выход, но его все нет. Пропал куда-то.

Что-то новенькое. Раньше меня никто не боялся. Впрочем, и огненного кулака у меня раньше не было.

– Кажется, он был на вечеринке той ночью. – Я пытаюсь отдышаться.

Брайтон качает головой. Глаза у него красные, как будто он собирается заплакать. С этим я всегда плохо справляюсь, могу только неуклюже молчать.

– У тебя есть сила…

– Вроде того. Не знаю. – Я иду к выходу из метро, пока инспекторы или Ортон нас не поймали. – Наследственные способности проявились как раз вовремя.

– Прекрати. Мы видели твои глаза. Ты все от меня скрыл.

Я останавливаюсь на углу и поворачиваюсь к брату.

– Что не так с моими глазами?

– Они горят как у призрака. – Брайтон смотрит прямо на меня.

Это невозможно.

– Не знаю, что ты видел, но это никак не связано с алхимией крови.

– У тебя были темные глаза, – говорит Брайтон.

Пруденция кладет руку ему на плечо.

– Успокойся. У некоторых небожителей глаза темнее, чем у других. У тебя же раньше не было никаких проявлений силы? – спрашивает она у меня.

– Не могу представить себе ситуацию, в которой я бы об этом умолчал.

Не понимаю, как мы доберемся домой. На автобусе, наверное. В метро я точно больше не зайду. Я быстро перехожу улицу, пока для машин горит красный. Все, что я хочу, – это запереться в комнате и постараться выяснить, что со мной происходит.

– А огонь? Это же пламя феникса, да? – спрашивает Брайтон.

Я замираю посреди улицы.

Я весь горю, мне так жарко, что, кажется, я снова покроюсь пламенем, на этот раз целиком. Я пытаюсь вспомнить хотя бы один вид небожителей с таким же огнем, как у меня, но в голову ничего не приходит. Это сила призраков. Пламя серого солнечного феникса, это совершенно очевидно. Кровь феникса никак не могла попасть в мое тело, но мысль о том, что я не понимаю происходящего, разъедает изнутри, как яд. Мир идет кругом, как когда я ел раз в десять меньше положенного. Я падаю. Брат и лучшая подруга пытаются подхватить меня, машины громко гудят. Я вырубаюсь, успевая подумать только, как быстро серо-золотое пламя сожжет мою жизнь дотла.

Восемь. Вирусный. Брайтон

Однажды я притворился, будто вижу будущее.

Вечером перед нашим четырнадцатым днем рождения Абуэлита уложила нас с Эмилем и стала рассказывать нам истории о своей силе. Видения у нее были не слишком впечатляющие – обычно она заглядывала в будущее на минуту-другую. Быстрые предупреждения, позволяющие ускорить шаг, чтобы не опоздать на поезд, или знание о том, что телефон сейчас зазвонит. Но раз в несколько лет у нее случалось полноценное видение. Например, встретив Абуэлито в метро, она предвидела их свадьбу.

Через несколько часов после полуночи я разбудил Эмиля и сообщил, что у меня было видение: на владельца нашей любимой забегаловки на углу скоро нападут. Эмиль попытался объяснить, что это сон, но я упорствовал, говоря, что это совсем другое, что все было реально. Что я унаследовал силу от Абуэлиты.

Мы выбрались по пожарной лестнице, потому что Эмиль тогда был готов на все. К тому же я сказал ему, что, раз у меня есть сила, значит, его сила тоже проявится, если мы вместе пойдем спасать Уильяма. Мы устроили наблюдательный пункт и даже убедили Уильяма закрыться пораньше. Ложь была отличная, поскольку, по мнению Эмиля, мы предотвратили катастрофу. Но, вернувшись домой, я почувствовал себя виноватым. Эмиль, конечно, за меня радовался, но с каждым днем все сильнее переживал, когда же проявятся его силы. Я не мог больше его обманывать, так что во всем признался. Он сильно ударил меня по руке за то, что я разбудил его в три часа ночи из-за поддельного видения о несуществующем преступлении, но потом рассмеялся и сказал, что было бы круто по-настоящему обрести силу в день рождения. Мы стали бы избранными.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что ничего этого не предвидел.

Это не может быть правдой.

Я пытаюсь привести Эмиля в чувство прямо на дороге, но у меня не получается. Пульс прощупывается, но я никогда не видел брата в таком состоянии: он весь горит, на голове у него шишка, губы разбиты. Мое сердце бьется в разы сильнее, чем когда мы сражались за свою жизнь в поезде. Водители выходят из машин, пешеходы зовут на помощь, но у нас нет времени ждать тут скорую. Пруденция быстро ловит такси, и мы запихиваем Эмиля на заднее сиденье.

– Дарденская больница, и побыстрее! – кричу я, пристраивая голову брата себе на колени.

Водитель медлит, прежде чем тронуться.

– Вы там смотрите, чтобы он сиденье кровью не заляпал.

– Ему надо в колдовскую клинику, – Пруденция еле сдерживает слезы, но говорит твердо.

Я до сих пор не могу осознать, что брат теперь нуждается в помощи специалистов по колдовству.

– Кто поможет Эмилю лучше ма?

– Брайтон, у него могут быть проблемы с кровью. Давай оставим это профессиональным небожителям.

Я киваю.

– Вега-центр в Конкорсе, пожалуйста, – говорит Пруденция.

Я впиваюсь ногтями в руку Эмиля. Мне плевать, что ему больно. Вдруг очнется.

– Почему он мне не сказал?

– Эмиль не стал бы призраком по своей воле, – говорит Пруденция. – Я не знаю, что произошло. Может, он случайно выпил зелье. Эмиль ведь обожает фениксов, он не стал бы вытягивать из них силу.

Я понимаю, что она права, но что-то тут не складывается. А еще мне страшно хочется потрепаться с Эмилем обо всем. Глупо было думать, что я не стану скучать по нему, после

того как уеду в колледж. С кровью феникса разберемся потом, но, ломая голову над тем, придет ли мой брат в себя, я вспоминаю, как мы задавали друг другу вопросы, ответ на которые никому не захотелось бы знать. Например, что я буду делать, если у меня внезапно отрастут еще две руки, или чем Эмиль займется, если его запрут в пустой комнате на целую неделю. Всем плевать, что, будь у меня четыре руки, я бы занялся борьбой, а Эмиль наконец нашел бы время, чтобы научиться кувыркаться. Но именно такие дурацкие вопросы обычно и обсуждают с людьми, которых знаешь всю жизнь. Эмилю нельзя умирать сейчас, потому что, до того как мы состаримся, нам нужно обсудить еще кучу тем.

Я так дрожу, что даже не могу позвонить ма, так что Пруденция отнимает у меня телефон и просит ее встретить нас в больнице.

Мы приезжаем в Вега-центр, специализирующийся на колдовской медицине, тащим Эмиля в приемный покой, где медсестры кладут его на каталку и увозят. Дальше нас уже не пускают. Я даже не пытаюсь расслабиться в холле или притворяться, что читаю журналы, – это не помогло в те бесконечные часы, когда мы ждали новостей про папу, не поможет и сейчас. Я меряю шагами коридоры, чувствуя на себе взгляд Пруденции. Хожу от стойки регистрации до гендерно-нейтральных туалетов и обратно. Не знаю, сколько прошло времени, но голос матери вырывает меня из мрачных мыслей.

– Где он? – Ма держится рукой за сердце.

– В реанимации.

Ма видит, какие мы встрепанные, и обнимает нас обоих.

– Вы сами-то в порядке? Вас осмотрели?

– С нами все хорошо, спасибо, Каролина, – отвечает Пруденция.

Ма проводит пальцами по моему распухшему глазу.

– Что случилось?

– Мы ехали домой, когда… – я замолкаю. Я не буду говорить о силах Эмиля; это его дело. – В поезде на нас напал призрак. Все было хорошо, пока Эмиль не отрубился на улице. Мы привезли его сюда, а то вдруг это какой-то побочный эффект.

Она начинает рыдать.

– Что с ним? Какие силы были у призрака?

– Странные, – отвечает Пруденция. – Он проходил сквозь нас и двери, как небожитель, и бросался огнем феникса.

– Что с Эмилем? Ожоги?

– Нет, ма.

Она делает глубокий вдох, но все еще дрожит. Мы усаживаем ее на стул, и Пруденция остается с ней, пока я стою под дверью, куда увезли брата.

Я все еще не нахожу себе места, когда мой телефон взрывается и отказывается умолкать. Сыпется огромный поток уведомлений: люди спрашивают, есть ли у меня сила, и просят выложить интервью с братом. Я наконец останавливаюсь.

Меня отметили в нескольких видео. На превьюшках – Эмиль с огнем феникса в руках. Я немедленно открываю ролик, хотя видел все своими глазами. Я раз за разом смотрю, как серо-золотое пламя охватывает руку брата, внимательно изучаю его реакцию. Он удивлен не меньше других.

Просмотров целая куча. Человек со стороны решил бы, что Эмиль невероятно популярен в интернете, когда на самом деле он ведет полумертвый аккаунт в инстаграме, где ни одно видео и тысячи лайков не набрало. Я проверяю остальные соцсети Эмиля. Две с небольшим сотни фолловеров в твиттере, читавших его разрозненные сообщения об играх, нон-фикшне и работе с фениксами, превратились в шесть тысяч. Странно думать, что сотни тысяч людей косвенно знают меня. Не представляю, как отреагирует Эмиль, когда очнется. Посмотрев гифку с его пылающим кулаком, я открываю инстаграм. Там тоже тысячи новых подписчиков. Все ком-

ментируют последнее фото – причем пишут не о его рецензии на графический роман, а спрашивают, например, входит ли он в какой-то отряд.

Да уж, это ему скрыть не удастся.

Насколько мне известно, Эмиль при смерти, и все же я завидую своему брату – новой суперзвезде.

Девять. Чароходы Марибель

Меня ненавидят сильнее всех ныне живущих небожителей.

Я отсиживаюсь в своей комнате в Нова-Грейс, когда-то бывшей начальной школой для детей малоимущих небожителей. Мы превратили ее в убежище для тех, кого мы спасаем. Я даже сосчитать не смогу всех людей в этом здании, которые имеют ко мне претензии, но они прекрасно знают, что не стоит мне ничего высказывать – по крайней мере, пока мы даем им приют. Все уверены, что мои родители виноваты в Блэкауте. Пусть даже я наконец сумела доказать, что это не так, семью Люцеро еще долго будут винить за недавний всплеск нетерпимости, в результате которого небожителей приравняли к террористам.

Если мир не хочет считать моих родителей героями, возможно, мне стоит перестать его спасать.

Я отгоняю эту мысль.

В детстве, когда что-то шло не по мне, я постоянно угрожала сбежать. Мама заставила меня пообещать, что я никогда не буду принимать решений на горячую голову. Если, успокоившись, я все еще захочу уйти, она поможет мне собрать вещи, поцелует в лоб и отправит прочь.

Несколько глубоких вдохов возвращают меня к реальности. Я буду и дальше защищать небожителей, потому что именно так я могу почтить память родителей. Пусть даже бóльшую часть времени это кажется бессмысленным. Наше движение никогда не станет настолько мощным, чтобы накрыть волной весь мир, готовый вспыхнуть пожаром в любое мгновение, особенно если учесть, кто сейчас управляет командой. Но, может, мы сумеем расправиться с Луной Марнетт и ее Кровавыми чародеями – уж под их дверями никогда не бывает инспекторов.

Я сижу с ноутбуком, в миллионный раз пересматривая записи с камер наблюдения. Меня интересуют все подробности того, что произошло в обсерватории Найтлок девять месяцев назад. Единственная камера в зале была направлена на школьников и учителей, приехавших на экскурсию. На экране они все столпились вокруг массивного бронзового телескопа. Я разглядываю лица, ища одну конкретную девочку, но, когда сверху начинают сыпаться осколки стекла, я обхватываю себя за плечи и смотрю, как мама и Финола падают, пробивая потолок. Руки матери сомкнуты на горле матери Айрис. Папа и Конрад входят через дверь, пытаются оттащить жен друг от друга, но Финола вырывается из захвата, пользуясь своей невероятной силой, и расшвыривает всех троих в стороны.

Нет смысла отворачиваться, когда Финола идет к маме. Вся эта картина все равно выжжена у меня в мозгу. Мама роняет на пол Эдуардо, сына сенатора Айрона, и вытаскивает из-под магоустойчивого жилета две рубиновые гранаты. Одну бросает в самый дальний угол, папа прыгает за ней. Вторая проходит над головой Финолы, Финола и Конрад пытаются ее перехватить.

Ничего не получается.

Тут начинается ад. Электрически-красные огни заполняют зал, вибрируют, сталкиваются посередине, взрываются в районе телескопа. Обсерватория превращается в мешанину стекла, крови, дыма и огня – за считаные мгновения, которых еле хватило бы, чтобы сделать вдох.

На ногах остается только девочка, выглядывающая из дыма: огромные глаза, бледное личико, хрупкая фигурка и странное спокойствие, как будто ей нет дела до разрухи вокруг. Потом она отворачивается от камеры и уходит в дым, растворяясь, как иллюзия. Вот только я знаю, что она настоящая. Существуют даже форумы, на которых пытаются выяснить, кто она такая. Это она устроила весь хаос? Или она школьница, которую защитили ее силы? Знает ли она, что случилось на самом деле? Мне нужны ответы.

Я могла бы все это предотвратить, если бы доверилась сну, в котором под звездами прощалась с мамой и папой. Я привыкла к тому, что родители уходят, чтобы сражаться. Но тем утром они собирались просто изучить произошедшее в обсерватории. Я нервничала, мне было не по себе, голова кружилась, и я хотела попросить их остаться дома. Но я не стала. Это был последний раз, когда я не придала значения своему предчувствию.

Три раза стучат в дверь, и входит Атлас.

– Ты в порядке? Тут Уэсли.

– Все хорошо.

Два слова чистой правды. Два слова, невероятно далеких от правды. Атлас подходит и целует меня в макушку. Заходит Уэсли. Оба воняют, обоим нужно в душ. Атлас ничуть не улучшает ситуацию, снимая кроссовки. Странно, но запах его потных носков меня каким-то образом успокаивает. Как будто я возвращаюсь во времена наших тренировок после Блэкаута. Я бывала бодрой и сосредоточенной, но потом резко осознавала, как изменилась моя жизнь. Я швырялась снаряжением, потому что стала сиротой. Я лупила по стенам, потому что мы с Айрис больше не были лучшими подругами. Я выла, пока Атлас меня не успокаивал и не отводил в постель. Мы снимали ботинки, и я позволяла ему обнимать себя.

Теперь я не могу заснуть, не чувствуя его рук.

– Как все прошло? – спрашиваю я, глядя в свои записи.

– Кажется, мы не умеем работать руками, – отвечает Атлас.

– За себя говори. – Уэсли устраивается в кресле-мешке, которое Атлас тут же застолбил, едва мы перебрались в Нову. – Ты меня задерживал.

– Ты бегаешь в десять раз быстрее всех в мире, – возражает Атлас.

– Это не моя вина, что ты родился не с теми способностями.

В свободное время Атлас и Уэсли занимаются так называемыми побочными квестами, пытаясь заработать хоть немного денег. Да, нам, конечно, присылают донаты, но люди после Блэкаута уже не такие дружелюбные и щедрые, как раньше. Нам нужны деньги, чтобы платить иллюзионистам, которые обеспечивают нам маскировку и безопасность, покупать еду, одежду и койки для спасенных и решать еще кучу вопросов, к которым мы не были готовы, когда внезапно стали новыми лидерами группы.

– Мне казалось, что мы взяли паузу от Таинственной девочки, – замечает Атлас.

– Выжила только она.

Атлас наклоняется ко мне. В его серые, как тучи, глаза тяжело смотреть слишком долго.

– Мари, ты ела?

После смерти родителей я так похудела, что перестала узнавать себя в зеркале. Я не обращала внимания на рези в желудке, потому что есть означало жить, а я не понимала, как жить в мире, который ненавидит моих родителей. Я хотела умереть вместе с ними. Атлас уважал моих родителей, особенно маму, потому что она дала ему и Уэсли шанс, и всегда заботился обо мне, даже когда я говорила отвратительные вещи, чтобы прогнать его.

Однажды ночью я постучала в его дверь, потому что плакать в одиночку было невыносимо. Он отвлекал меня своими любимыми романтическими комедиями, когда мне нужно было перестать думать, и в какой-то момент я начала есть то, что он мне приносил. Я очнулась и оказалась живой – и не такой одинокой, потому что Атлас обо мне заботился. Я даже вспомнила, как заботиться о себе самой.

Прошло уже девять месяцев, но я не всегда справляюсь.

– Потом поем.

– Давай я принесу тебе банановых чипсов и торт, мы устроим выходной и посмотрим кино?

Я дергаю его за светлый завиток и киваю.

– Уэсли, ты с нами?

Уэсли прижимает ладонь к груди и запрокидывает голову с преувеличенным вздохом.

– Вы так меня любите, что готовы пожертвовать своим свиданием? Я польщен, но я уже несколько недель не видел своих дам. Возможно, мне нужно дать Рут отдохнуть и уложить Эстер.

– Отличная идея, – соглашаюсь я.

Рут прячется в другом убежище в Филадельфии вместе с их трехмесячной малышкой. Клонирование – удобная штука, если ты в одиночку растишь дочь и заботишься о небожителях, но я уверена, что ей стало бы проще, будь Уэсли рядом постоянно. Хотя мы все в опасности, если не докажем, что Чароходы – герои, а небожители – такие же люди; что мы не просто сосуды, что нас нельзя нанимать (а в тюрьмах – принуждать!), чтобы заряжать жезлы, самоцветные гранаты и наручники, которые используют против нас же. После того как Уэсли уходит, Атлас целует мои пальцы.

– Вернусь через полчаса.

Иногда мне хочется, чтобы нам вовсе не приходилось выходить из этой комнаты. Нову закрыли в мае из-за недостатка финансирования, но обживаться здесь было непросто, зная, что рано или поздно нас неизбежно раскроют и нам придется искать новое место. Я даже не торопилась распаковывать пожитки, но однажды вечером пришла и увидела, что на стенах висят гирлянды, а мои любимые вещи разложены по комнате. Папин бинокль висит у окна, мамины очки для чтения лежат на сборнике колумбийских сказок, который она читала мне в детстве… ну, в еще более раннем детстве, а рядом стоит бутылка звездного вина, которую Атлас подарил мне на восемнадцатилетие два месяца назад. Я приберегаю ее для дня, когда очищу имя родителей. Он превратил класс истории в наш дом, и я молюсь звездам, чтобы инспекторы никогда не нашли нас, потому что у нас не будет времени собрать вещи.

– Возвращайся скорее, – говорю я.

Не успевает Атлас уйти, как в дверь вваливается Айрис. Все хорошее внутри меня немедленно испаряется. Давно минули те времена, когда мы с Айрис росли вместе и делились всем: одеждой, игрушками, постелью, секретами. Я не вламываюсь к ней в комнату, и, черт возьми, она не должна врываться ко мне!

– Извинись.

– Успокойся, – отвечает Айрис. – Надо опять спасать невинного. Где Уэсли?

– Только что ушел, – говорит Атлас.

– Нам нужны все.

Айрис невысокая, но отлично поработала над тем, чтобы выглядеть сильной и властной.

– Почему? Что за небожитель?

– Он призрак.

Я смеюсь впервые за несколько недель. Великолепно.

– Я серьезно, Марибель. – Айрис впивается в меня взглядом. – Я искала призраков с белым пламенем феникса, каких мы видели в ночь восхода Венценосного мечтателя, и нашла одного в вирусном видео. Он нападал на другого призрака со способностями феникса, тот был очень удивлен. Не думаю, что он из ребят Луны, но она наверняка отправит за ним своих Кровавых чародеев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.